

МАКС ХЕЙСТИНГС

ВЬЕТНАМ

ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ

1945–1975

Макс Хейстингс

**Вьетнам. История
трагедии. 1945–1975**

«Альпина Диджитал»

2018

УДК 94(597)
ББК 63.3(5Вье)63

Хейстингс М.

Вьетнам. История трагедии. 1945–1975 / М. Хейстингс —
«Альпина Диджитал», 2018

ISBN 978-5-00-139381-8

«Вьетнам» – очередной фундаментальный труд Хейстингса, автора бестселлеров «Первая мировая война» и «Вторая мировая война», поистине масштабное повествование об эпической борьбе. В своей новой книге Хейстингс во всех подробностях описывает войну во Вьетнаме: хронологию боевых столкновений, жизнь простого населения в условиях войны, зверства с той и другой стороны конфликта, закулисные политические игры, личные воспоминания участников. Война во Вьетнаме – один из самых спорных конфликтов в современном западном мире, ставший в 1954 году национальным унижением для Франции, а затем, в 1975 году, – еще большим позором для США. Работая над книгой, Макс Хейстингс провел три года, беседуя со множеством участников с обеих сторон, исследуя сотни американских и вьетнамских документов и мемуаров. Битва при Дьенбьенфу, Тетское наступление 1968 года, воздушный блиц Северного Вьетнама, менее известное кровопролитное столкновение в Дайдо, где был практически полностью уничтожен батальон морской пехоты США, – яркие фрагменты общей панорамы войны среди джунглей и рисовых полей, в которой погибло 2 млн человек. Многие историки рассматривают эту войну как трагедию США, но Хейстингс считает ее трагедией вьетнамцев, которых погибло в 40 раз больше, чем американцев, участвовавших в конфликте. Грубые ошибки и жестокие военные преступления американской армии были вполне сопоставимы с действиями противника. Весь мир запомнил образ плачущей обнаженной девочки, опаленной напалмом, но забыл о бесчисленных невинных жертвах коммунистов. Хейстингс собрал свидетельства партизан Вьетконга и американских политиков, сайгонских барменов и ханойских студентов, советских военспецов и морпехов из Северной Каролины, мирных крестьян и боевых генералов. Ни одна из сторон, по его мнению, не заслужила победы в этой войне, она – печальный урок для будущих поколений о

неуместном использовании военной мощи в ответ на сложные политические и культурные вызовы.

УДК 94(597)

ББК 63.3(5Вье)63

ISBN 978-5-00-139381-8

© Хейстингс М., 2018

© Альпина Диджитал, 2018

Содержание

Карты	7
Предисловие	9
Несколько замечаний по поводу текста	14
Глоссарий	15
Глава 1	18
Франция цепляется за империю	18
Победный марш Вьетминя	25
Глава 2	32
Паровые катки	32
Вашингтон оплачивает счета	40
Крестьяне	43
Глава 3	49
В ожидании зяпа	49
Катастрофа грядет	56
Глава 4	64
Уйти или бомбить?	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Макс Хейстингс

Вьетнам. История трагедии. 1945–1975

Переводчик *Ирина Евстигнеева*

Научный редактор *Антон Никольский*

Редактор *Антон Никольский*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Корректоры *И. Астапкина, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке *Bridgeman Images/FOTODOM*

© Max Hastings, 2018

Эта книга публикуется по соглашению с Peters Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Моему дорогому другу Рикку Аткинсону, который ведет хронику триумфов и трагедий американской армии с глубоким пониманием, ясностью взгляда и человеческим состраданием, являющимися образцом для его коллег по историческому цеху

Карты

(в порядке появления в книге)

Французский Индокитай.

Дьенбьенфу, 13 марта – 7 мая 1954 г.

Раздел Вьетнама

Южный Вьетнам

Тропа Хо Ши Мина

Тетское наступление, 1968 г.

Хюэ

Дайдо, 30 апреля – 2 мая 1968 г.

Операция «Лайнбэкер», 1972 г.

Январь 1973 г.: «шкура леопарда»

Весеннее наступление 1975 г.: направления основных ударов

Азия возьмет долгожданный реванш у своей высокомерной младшей сестры.

ДИН ИНДЖ, 1928 Г.

Каждый военный акт есть также акт социальный и политический.

АНТОНИО ГРАМШИ

Содержит контент для взрослых, грубую речь и сцены насилия. Просмотр на усмотрение зрителя.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЕРЕД ПОКАЗОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СЕРИАЛА «ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА», РЕЖИССЕРЫ БЕРНС И НОВИК, PBS, 2017 Г.

Предисловие

Война за Вьетнам, бедную юго-восточную азиатскую страну размером со штат Калифорния, покрытую горами, джунглями и рисовыми полями, которые очаровывают туристов в XXI в. столь же сильно, сколь были ненавистны западным солдатам в веке XX, длилась три десятилетия и обошлась в 2–3 млн человеческих жизней. Первые 20 лет мир (и даже главные военные спонсоры коммунистов – СССР и Китай) не придавал происходящему в Индокитае большого значения. Но в ходе последнего десятилетия война привлекла к себе внимание сотен миллионов жителей западных стран, вызвав у них смутение и даже отвращение, уничтожила одного президента США и способствовала краху другого. В 1960-е гг. многие западные страны охватили молодежные протестные движения, переплетавшие отказ от старой сексуальной морали и приверженность сомнительным радостям потребления марихуаны и ЛСД с яростными выпадами против капитализма и империализма, одним из наиболее уродливых проявлений которых считалась война во Вьетнаме. Многие американцы старшего возраста выступали против войны, потому что та превратилась в источник систематического обмана со стороны их собственного правительства, а также потому, что, как они справедливо считали, она была обречена на провал.

Падение Сайгона в 1975 г. стало унижением для самой могущественной нации на планете: крестьянские революционеры взяли верх над волей американского народа со всем его экономическим благосостоянием и военной мощью. Черно-белая фотография сцены эвакуации 29 апреля, на которой цепочка беглецов на крыше здания поднимается по лестнице к вертолету, словно на Голгофу, стала одним из символов проигранной Америкой войны. Война во Вьетнаме оказала более сильное культурное влияние на свою эпоху, чем любой другой вооруженный конфликт после 1945 г.

Ни в одном конфликте ни одна противоборствующая сторона не обладает абсолютной монополией на добродетель. Даже во Второй мировой войне борьба союзнических стран против фашизма была скомпрометирована тем, что именно тирания Сталина заплатила главную кровавую цену за уничтожение тирании Гитлера. Только самым недалеким представителям левого и правого лагеря хватает наивности заявлять о полной непогрешимости той или другой стороны во вьетнамском конфликте. Почти все авторитетные работы о войне принадлежат перу американцев и французов, однако первые зачастую описывают ее так, будто она была непосредственной историей их собственной нации. Между тем эта война была преимущественно азиатской трагедией, в которой американские страдания были лишь крошечной частью: соотношение погибших вьетнамцев и американцев составляет примерно 40 к 1.

Хотя мое повествование выстроено в хронологической последовательности, я не стремился к тому, чтобы соблюдать предельно жесткую хронологию событий или даже упомянуть каждую битву; вместо этого я пытался передать саму природу опыта, который пришлось пережить Вьетнаму на протяжении трех десятилетий. Как и во всех моих предыдущих книгах, рассказывая о политических и стратегических аспектах, я также пытаюсь ответить на вопрос: «Какой была эта война?» – для саперов северовьетнамской армии, для крестьян в дельте Меконга, для пилотов вертолетов Нгуеу, для рядовых из американской глубинки, для советников зенитно-ракетных войск из Ленинграда, для китайских железнодорожников или для сайгонских проституток.

Я родился в 1945 г. Будучи молодым журналистом, я два года проработал в США, а затем неоднократно посещал Индокитай. Должен признать, что мое понимание происходящего на тот момент было настолько незрелым, что в этой книге я предпочел не ссылаться на свой личный опыт и восприятие тех событий, решив ограничиться парой слов в предисловии. В 1967–1968 гг. я много ездил по США, сначала как стажер, затем как журналист в ходе президентской

избирательной кампании. Мне довелось взять короткие интервью у многих ключевых фигур, включая Роберта Кеннеди, Ричарда Никсона, Юджина Маккарти, Барри Голдуотера, Хьюберта Хамфри, Рональда Рейгана, а также Гаррисона Солсбери, Нормана Мейлера, Аллена Гинзберга и Джоан Баэз.

В январе 1968 г. я был в числе иностранных журналистов, приглашенных в Белый дом. Сидя в Зале кабинета, мы 40 минут слушали разглагольствования Линдона Джонсона о его приверженности Вьетнаму – за несколько недель до того, как он ошеломил американский народ объявлением об отказе баллотироваться на второй срок. В то утро личность президента США сильно отдавала карикатурностью, отчего, однако, не казалась менее зловещей. «Одним из вас нравятся блондинки, другим – рыжие, а третьим, возможно, вообще не нравятся женщины, – сказал он, мучительно растягивая слова, активно жестикулируя, чтобы подчеркнуть важные мысли, и что-то размашисто черкая карандашом в лежавшем перед ним блокноте. – А теперь я скажу вам, что нравится мне: я готов встретиться с Хо Ши Мином в любое время в хорошем отеле с хорошей едой, чтобы мы сели, поговорили и уладили наконец это дело».

Закончив свой монолог, он внезапно поднялся и вышел из комнаты, не дав нам возможности задать вопросы, что заставило либерального обозревателя Уолтера Липпмана пустить парфянскую стрелу ему в спину. Мы встали, взяли наши блокноты, когда дверь вдруг приотворилась и в проем высунулась голова президента. «Пока вы не ушли, – сказал он почти смущенно, – хочу спросить: я знаю, вы много чего читали и слышали обо мне – а теперь кто-нибудь из вас изменил свое мнение?» Мы были так поражены этим внезапным проявлением уязвимости Джонсона, что потеряли дар речи.

В 1970 г. я снял серию репортажей из Камбоджи и Вьетнама для новостного канала *Би-би-си* и в следующем году снова прилетел в Сайгон, чтобы взять интервью у президента Нгуен Ван Тхьеу, а также посетил Лаос. В ходе съемок я сопровождал подразделения 23-й дивизии США в операции по зачистке местности в долине Хиепзык, летал на южновьетнамском штурмовике *Skyraider* на бомбежку и вел прямые репортажи с атакованной коммунистами базы огневой поддержки № 6 на Центральном нагорье. Позже в том же году в Доме народных собраний в Пекине мне довелось пожать руку Чжоу Эньлаю. Я посещал Вьетнам и в 1973, и в 1974 гг., а в 1975 г. освещал последние сражения этой войны, в том числе паническую сдачу Дананга и боевые действия в предместьях Сайгона.

Поначалу я собирался остаться вместе с горсткой других корреспондентов, чтобы запечатлеть падение Сайгона, но в последний день ближе к вечеру мои нервы сдали: я пробился через толпу испуганных вьетнамцев вокруг посольства США и с помощью защищавших его американских морпехов перелез через стену. Через несколько часов вертолет доставил меня на борт авианосца *Midway*.

Вышеуказанные командировки¹, хотя и выливались на тот момент не более чем в плоды незрелой журналистики, сегодня дают мне возможность глазами очевидца описывать места и события этой войны – с их изнуряющей жарой или дождями, минами-ловушками под ногами и кружащими в небе вертолетами, – какими их видели вьетнамские, французские и американские участники. В последующие годы я встречался с Робертом Макнамарой, Генри Киссинджером и другими гигантами эпохи вьетнамской войны. Артур Шлезингер стал моим другом.

Все войны разные и одинаковые одновременно. Существует распространенный миф, по крайней мере в США, что война во Вьетнаме была сопряжена с беспрецедентными ужасами, которые так ярко живописуют ветераны в своих бесчисленных мемуарах. Но любой, кому довелось пережить Пунические войны между Римом и Карфагеном, Тридцатилетнюю войну в Европе, вторжение Наполеона в Россию или битву на Сомме в 1916 г., посмеялся бы над утверждением, что война в Индокитае была значительно худшим опытом. Насилие во II в.,

¹ О них более подробно рассказывается в мемуарах автора «Идем на войну», опубликованных в 2000 г. – *Прим. ред.*

когда сражения велись копьями и мечами, а мирное население и вовсе не имело никаких прав, было ничуть не менее леденящим кровь, чем в веке XX. Горящее масло, которое выливали на головы врагов защитники средневековых городов, мало чем отличалось от напалма. Мародерство, изнасилования, черные рынки, насилие в отношении мирных жителей и пленных были неотъемлемой частью всех военных конфликтов. В 1939–1945 гг. в европейских городах было не меньше проституток, чем в Сайгоне в 1960-х гг., – вспомните о лондонских «коммандос с Пикадилли». Разница лишь в том, что в прежние времена гражданское население, которое оставалось дома, почти не знало о таких неприглядных сторонах войны. Перед публичным показом киноматериалы проходили жесткую цензуру, и из них вырезались все кадры, которые были признаны деморализующими.

Но на волне свободы СМИ в 1960-х гг. мир вдруг получил возможность воочию увидеть в вечерних новостях в прайм-тайм все жестокости и даже бесчинства, творимые вооруженными силами США и Южного Вьетнама. Вероятно, все из вас видели две фотографии, нанешие наибольший ущерб моральной позиции Соединенных Штатов: расстрел пленного вьетконговца начальником сайгонской полиции в ходе Тетского наступления 1968 г. и кричащую от боли голую девочку, бегущую по дороге после бомбардировки ее деревни напалмом в 1972 г. В отличие от этого, никто не видел снимков того, как вьетконговцы подвергают зверским расправам и хоронят заживо мирных жителей – сторонников сайгонского режима. Ханой распространял исключительно героический нарратив вместе с душераздирающими кадрами разрушений, причиняемых американской авиацией. Яркий визуальный контраст между сверхдержавой, использующей дьявольские военные технологии, символизируемые стратегическими бомбардировщиками В-52, и вьетнамскими крестьянами, одетыми в мешки или пробковые шлемы, в вырезанных из шин сандалиях, на велосипедах, обеспечивал коммунистам колоссальное пропагандистское преимущество. В глазах многих молодых людей в западных странах «борцы за свободу» под предводительством Хо Ши Мина приобрели романтический ореол. Разумеется, ошибочно утверждать, как это делали некоторые ястребы 50 лет назад, что Соединенные Штаты проиграли войну из-за СМИ. Но телевидение и пресса лишили людей на Западе возможности закрыть глаза на человеческие страдания и другие уродливые стороны этой войны.

Незадолго перед первой командировкой в Сайгон я, 24-летний журналист, обратился за советом к Николасу Томалину, ветерану британской *Sunday Times*. Он дал мне адрес индийского книжного магазина на бульваре Тызо, владелец которого обменивал доллары по самому высокому курсу на черном рынке. И сказал мне: «Запомни одно: они лгут, лгут и лгут». Он имел в виду американское командование и был прав. Однако, как и многие другие западные журналисты тогда и сейчас, Ник упустил из виду тот важный момент, что Ханой делал то же самое. Разумеется, это ни в коей мере не оправдывает намеренной политики обмана со стороны Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму (КОВПВ) и Объединенного управления США по связям с общественностью, однако обеспечивает контекст, зачастую отсутствующий в суждениях о так называемом кризисе доверия.

Кроме того, хотя американское и южновьетнамское командование скормливало СМИ ложную информацию, КОВПВ редко запрещало журналистам отправиться на место событий и увидеть все своими глазами. Ни в одном вооруженном конфликте ни до, ни после вьетнамской войны репортеры, операторы и фотографы, многие из которых были ее убежденными противниками, не пользовались таким беспрецедентным правом свободного передвижения на военных самолетах и вертолетах. Относительная американская открытость, резко контрастирующая с секретностью коммунистов, на мой взгляд, свидетельствует в пользу некоторого морального превосходства Америки. Фатальная ошибка гражданского руководства и военного командования США состояла не в том, что они лгали миру, а в том, что они лгали самим себе.

В современном Вьетнаме легитимность авторитарного коммунистического режима, чья коллективистская экономическая политика в значительной степени дискредитировала себя, всецело опирается на его победу в борьбе за объединение страны. Таким образом, его правители жестко следят за тем, чтобы ничто не запятнало этот героический нарратив: мало кто из оставшихся в живых ветеранов осмеливается свободно говорить о пережитом опыте. Эта непрозрачность на удивление успешно создает выгодный для Ханоя контекст, в котором западные и азиатские авторы рассматривают этот конфликт. В отличие от американских архивов, в которых вряд ли остались какие-то важные секреты, архивы Ханоя, без сомнений, хранят множество мрачных тайн. Либеральная Америка, занимающая почти мазохистскую позицию, манипулирует историографией с той же ловкостью, что и ура-патриотические консервативные ревизионисты. Недавно я спросил у известного либерального журналиста эпохи вьетнамской войны: «Если бы в Ханое были разрешены антивоенные демонстрации, как вы думаете, сколько бы человек вышли на улицы?» – «Ни одного, – уверенно ответил он. – Люди на Севере стопроцентно поддерживали освободительную войну».

Наивность этого заявления удивляет: большинство нормальных людей стремятся избежать опыта, который причиняет горе и страдания им самим и их близким. Многие противники войны на Западе были правы, утверждая, что применение США беспорядочного насилия обрекает их военные усилия на провал. Однако некоторые зашли еще дальше, сделав вывод, что, если США и Южный Вьетнам ведут несправедливую войну, значит, коммунисты сражаются за безоговорочно справедливое, правое дело. Но коммунистическое руководство Северного Вьетнама и Национальный фронт освобождения, избавив народ Южного Вьетнама от угнетения крупными землевладельцами и военачальниками, обрекли их на куда более безжалостную тиранию учеников Сталина. Демократия давала южновьетнамским избирателям хотя бы призрачную возможность сменить не устраивающее их правительство. С установлением власти коммунистов в 1975 г. любым свободным выборам был положен конец, как и в Северном Вьетнаме с 1954 г.

В своих военных усилиях Ханой пользовался важными преимуществами по сравнению с противником. Коммунистическое руководство, надежно защищенное от нападок СМИ или недовольства избирателей, было готово платить колоссальную цену в человеческих жизнях. Оно могло терпеть одну сокрушительную военную неудачу за другой, не рискуя полным поражением, поскольку США открыто заявили, что не собираются вторгаться на Север. В отличие от этого, каждое проигранное сражение забивало гвоздь в гроб Южного Вьетнама. Можно провести очевидные параллели между борьбой вьетнамских коммунистов и военными усилиями Советского Союза в 1941–1945 гг.: Хо Ши Мин и Ле Зуан использовали точно такую же смесь патриотизма, идеологии и принуждения, как это делал Сталин поколение назад. Несомненно, коммунисты показали себя более самоотверженными и эффективными воинами, чем солдаты Сайгона, однако стоит хорошенько подумать, прежде чем возводить их на престол «силы добра» в этой саге.

В книге немало говорится о жестокости, глупости и прочих уродливых проявлениях, однако большинство людей, участников этой истории, – вьетнамцев и американцев, военных и гражданских всех возрастов и обоих полов – вели себя в высшей степени достойно. Я старался рассказывать о таких людях, поскольку, на мой взгляд, несправедливо допускать, чтобы добродетельные и героические поступки утонули среди бурлящего месива кровопролития, жестокости и предательств, о которых повествует большинство военных историй. Что касается фундаментального политического исследования, то я решил его не проводить: ученые на протяжении вот уже почти полувека перерывают американские архивы и исчерпывающе описали процессы принятия решений всех западных участников конфликта. Фредерик Логеваль – один из самых авторитетных среди них. В 2015 г. Кен Хьюз опубликовал тексты и анализ магнитофонных записей Белого дома, которые – в отличие от большинства мемуаров – предоставляют нам

практически неопровержимые, объективные свидетельства того, как оценивали ситуацию и принимали решения Никсон и Киссинджер в тот непростой для Америки период, завершившийся подписанием Парижского мирного соглашения в январе 1973 г. В то же время я провел бесчисленные часы за изучением свидетельств очевидцев в Центре наследия и образования Армии США в Карлайле, Пенсильвания, и в Историческом архиве Корпуса морской пехоты США в Куантико, Вирджиния. Я также получил доступ к богатейшим материалам Центра исследований войны во Вьетнаме Техасского технического университета в Лаббоке, а также провел почти 100 интервью с оставшимися в живых американскими и вьетнамскими участниками тех событий. Благодаря помощи Мерла Приббеноу я получил возможность прочитать тысячи страниц переведенных с вьетнамского языка мемуаров и документов.

Любой историк вроде меня, публикующий книгу о вьетнамской войне в 2018 г., находится в долгу перед замечательными режиссерами Бернсом и Новиком, чей недавно вышедший на экраны документальный сериал пробудил во всем мире новый всплеск интереса к этому эпохальному конфликту. Я надеюсь, что моя работа хотя бы частично отражает всю трагичность опыта, который пришлось пережить вьетнамскому народу на протяжении нескольких поколений – и от последствий которого он не может освободиться по сей день.

Макс Хейстингс,

*Чилтон-Фолиэт, Беркиш и Датай, о. Лангкави, Малайзия,
май 2018 г.*

Несколько замечаний по поводу текста

Сами вьетнамцы называют свою страну Вьет Нам; я же, для удобства читателей, в соответствии с западной традицией называю ее Вьетнамом. То же самое касается других наименований, таких как Ха Ной, Сай Гон, Дьен Бьен Фу, Да Нанг, Вьет Конг и т. д. Во вьетнамском языке широко используются надстрочные знаки для обозначения тонов, в тексте я их опускаю.

Вьетнамские имена обычно состоят из трех частей и начинаются с фамилии – я придерживаюсь этой традиции. Западных людей сбивает с толку огромное количество вьетнамцев с фамилией Нгуен, но так исторически сложилось, и тут уж ничего не поделаешь.

Везде, где это возможно без ущерба для понимания, я опускаю названия провинций, чтобы избежать перегруженности текста географическими деталями.

Переводы иностранных документов и мемуаров часто страдают чрезмерной высокопарностью стиля. Я же, цитируя в своих книгах иностранные источники, придерживаюсь наставления Джона Драйдена о том, что переводчик не должен стоять за спиной автора подобно лакею, но должен стоять рядом с ним как равный. В частности, диалоги на вьетнамском и французском языках я стараюсь передавать на разговорном английском.

«Афроамериканец» – современный термин; в рассматриваемую нами эпоху употреблялись слова «чернокожий» или «черный» (*black*), поэтому в книге я сохраняю эти обозначения, но использую их только в тех случаях, где таковое уточнение является важным.

Звания и должности указаны на момент описываемых событий.

Южный Вьетнам и Северный Вьетнам при написании с заглавной буквы обозначают отдельные государства; с прописной – южную и северную части объединенной страны до 1954 г. и после 1975 г.

Подобно тому как французские партизаны во время Второй мировой войны называли себя «макисарами» от слова «маки» (*maquis*) – лесные заросли, в Южном Вьетнаме присоединение к партизанскому движению называлось «ра бунг» (*ra bung*) – «уйти в болота». Название коммунистического партизанского движения в Южном Вьетнаме – «Вьетконг», сокращенно ВК – сленговое, но настолько на слуху во всем мире, что без него нельзя было бы обойтись в этой книге.

В тематических разделах, в частности при описании боевых действий, иногда я смешиваю личные воспоминания участников, относящиеся к разным периодам войны, если это не искажает их смысла и не нарушает логичности повествования.

При описании военных операций время указывается в 24-часовом формате; в остальных случаях используется 12-часовой формат.

Точно соотнести стоимость южновьетнамского пиастра и доллара США, особенно в период военного времени, не представляется возможным по причине хронической инфляции и нереалистичного официального обменного курса.

Глоссарий

AFN (US Armed Forces Network) – Радиостанция Армии США.

Claymore M-18 – американская противопехотная мина направленного действия; при взрыве выбрасывает поток стальных шариков в пределах дуги около 40°; приводится в действие дистанционно или при задевании датчика взрывателя натяжного (обрывного) действия.

CORDS (Civilian Operations and Revolutionary [Rural] Development Support) – американское агентство Поддержки гражданских операций и революционного [позже Сельского] развития.

GCMA (*Groupement de Commandos Mixtes Aéroportés*) – Смешанная воздушно-десантная группа коммандос, французский спецназ.

LAW M72 (Light Antitank Weapon) – 66-мм ручной противотанковый гранатомет (РПГ), использовавшийся армиями США и Южного Вьетнама.

M-14 – 7,62-мм автоматическая армейская винтовка, стоявшая на вооружении армии США до 1966–1968 гг.

M-16 – 5,56-мм армейская автоматическая винтовка, заменившая M-14 после 1966–1968 гг. Гораздо более легкие, чем M-14, ранние версии M-16 тем не менее показали себя ненадежными и часто заклинивали во время боя.

PRC-10 – американская армейская портативная радиостанция (позже замененная на PRC-25) весом чуть больше 10 кг, включая аккумуляторную батарею. В распоряжении командира роты иногда имелось три радиста, каждый из которых нес рацию, работающую в определенном диапазоне частот.

USIA – Информационное агентство США.

АК-47 – автомат Калашникова. С 1965 г. эти советские автоматы (в китайской модификации) в больших количествах поставлялись в Северный Вьетнам.

Бангалорская торпеда – подрывные заряды, помещенные в металлические или бамбуковые трубки, предназначенные для создания проходов в проволочных заграждениях.

Батальон – воинское подразделение, насчитывающее от 400 до 1000 человек; обычно состоит из трех-четырех рот и штаба.

БВП – боевой воздушный патруль.

Безоткатка – разработанные в СССР относительно мобильные безоткатные артиллерийские орудия ближнего действия калибром от 57 мм до 106 мм, способные пробивать броню на расстоянии 500 м или стрелять фугасными снарядами на расстояние до 4000 м; установлены на треноге или двухколесной тележке; широко использовались Вьетконгом и ВНА².

БОП – база огневой поддержки.

Бригада – воинское соединение численностью до 5000 человек.

БТР – бронетранспортер; во Вьетнаме самым распространенным БТР был американский гусеничный М-113.

Взвод – воинское подразделение из 30–40 человек под командованием лейтенанта, в некоторых случаях сержанта; четыре взвода составляют роту.

ВНА – Вьетнамская народная армия; в эпоху описываемых событий американцы чаще использовали название Северовьетнамская армия.

Ворчун (*grunt*) – прозвище американского пехотинца.

² Во Вьетнаме безоткатные орудия активно использовали все воюющие стороны, в частности самоходка Ontos была вооружена шестью безоткатными орудия М40 (106-мм). Северяне использовали советские безоткатные орудия и их китайские копии Б-10, Б-11 (107-мм) и СПГ-9. 57-мм – американское безоткатное орудие М10.

ВРП – Временное революционное правительство Южного Вьетнама, созданное в 1969 г. коммунистами как преемник НФОЮВ. Позиционировало себя как правительство в изгнании; первоначально располагалось в штаб-квартире ЦУЮВ, с февраля 1973 г. переместилось во «временную столицу» Южного Вьетнама в Локнине, к северу от Сайгона.

ВСРВ – Вооруженные силы Республики Вьетнам (Южного Вьетнама)³.

Вьетконг – сленговое название движения вьетнамских коммунистов, сокращенно от Вьет Нам Конг Шан; вошло в широкое употребление с конца 1950-х гг.

Вьетминь – общепринятое название коммунистической военно-политической организации Лига независимости Вьетнама (Вьет Нам Док Лап Донг Минь Хой), созданной в 1941 г.

«Гладкий» (*slick*) – транспортно-десантный вертолет, чаще всего Huey⁴.

Даст-офф (*Dust-off*) – традиционный позывной медицинского эвакуационного вертолета; еще одно название – «медэвак».

Джунглевые крысы (*bonnie-rat*) – сленговое название американских пехотинцев.

Дивизия – воинское формирование, состоящее из 8000–15 000 человек и двух-трех бригад.

ДМЗ – демилитаризованная зона, созданная в 1954 г. в соответствии с Женевскими соглашениями южнее 17-й параллели для разделения Южного и Северного Вьетнама.

ЗВ (LZ – landing zone) – зона высадки вертолетного десанта; «горячая ЗВ» – зона высадки, находящаяся под обстрелом противника.

Зона десантирования (ЗД) – район выброски парашютного десанта.

ЗУР – зенитная управляемая ракета класса «земля – воздух»; советские зенитно-ракетные комплексы SAM-2⁵ были развернуты в Северном Вьетнаме начиная с 1965 г.

КОВПВ (Military Assistance Command Vietnam / Mac-V) – Командование по оказанию военной помощи Вьетнаму, штабная структура Вооруженных сил США в Сайгоне.

Корпус – воинское формирование, состоящее из двух-трех дивизий, под командованием генерал-лейтенанта.

КП – командный пункт.

Лурпы – группы войсковой глубинной разведки, от англ. аббревиатуры LRRP (long-range reconnaissance patrol).

МКК – Международная контрольная комиссия (International Control Commission / ICC), созданная в 1954 г. в составе представителей Индии, Польши и Канады для контроля за соблюдением Женевских соглашений. Хотя комиссия не имела серьезных реальных полномочий, она просуществовала вплоть до подписания Парижского мирного соглашения в 1973 г.

МККН – Международная комиссия по контролю и наблюдению во Вьетнаме (International Commission for Control and Supervision / ICCS), заменившая МКК в 1973 г.; имела более широкий состав, но показала себя столь же неэффективной – в частности, соглашение о прекращении огня, за соблюдение которого отвечала комиссия, нарушалось около 18 000 раз.

Монтаньяры (букв. «горцы») – французское название вьетнамских народностей, населяющих горные районы Вьетнама; поскольку подавляющее большинство этих племен придерживалось антикоммунистических настроений, американцы охотно вербовали их в отряды спецназа.

НФОЮФ – Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, созданная в 1960 г. военно-политическая организация для руководства вооруженным сопротивлением централь-

³ В источниках часто встречается аббревиатура ARVN от англ. Army of the Republic of Viet Nam. – *Прим. пер.*

⁴ Эти вертолеты получили такое прозвище ввиду того, что из-за отсутствия навесного вооружения они имели более «гладкий», обтекаемый внешний вид по сравнению с ударными вертолетами. – *Прим. пер.*

⁵ По советской классификации – С-75. – *Прим. пер.*

ному правительству в Сайгоне; официально считалась политической коалицией, но по факту полностью управлялась коммунистами.

ОКНШ – Объединенный комитет начальников штабов США.

Отделение – воинское формирование из 8–10 человек под командованием сержанта, поделено на расчеты; четыре пехотных отделения обычно составляют взвод.

Отпуск для отдыха и восстановления сил – недельный отпуск, предоставлявшийся всем американским военнослужащим по крайней мере один раз за время командировки в ТВД, обычно с поездкой на Гавайи, в Гонконг или Австралию.

ПАН – передовой авиационный наводчик.

ПН – передовой наблюдатель-корректировщик артиллерийского или минометного огня.

ПОБ – передовая оперативная база, также база передового развертывания.

Полк – воинское формирование, как правило состоящее из трех батальонов, под командованием полковника.

Правила применения военной силы – директивы, определявшие обстоятельства и ограничения ведения боевых действий вооруженными силами США против войск и объектов противника. В отношении Южного и Северного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи действовали совершенно разные «Правила применения военной силы», которые к тому же менялись в ходе войны.

Программа MEDCAP (Medical Civil Action Program) – программа по оказанию медицинской помощи гражданскому населению силами военных медицинских бригад.

Рота – воинское подразделение под командованием капитана, состоит из 100–180 человек, разделенных на три-четыре взвода.

РПГ – ручной противотанковый гранатомет, чрезвычайно эффективное оружие в руках вьетнамских коммунистов, с дальностью стрельбы до 150 м, использовались советские РПГ-2, позднее РПГ-7.

РС, НС – Региональные силы, Народные силы – ополчение, мобилизованное южновьетнамским правительством для местной обороны; в общей сложности насчитывало 525 000 человек. Отряды ополченцев имели легкое вооружение и подчинялись главам провинций.

РЭП – средства радиоэлектронного подавления, применявшиеся авиацией США для борьбы с северовьетнамскими наземными системами ПВО.

САК – Стратегическое авиационное командование ВВС США, в распоряжении которого находились стратегические бомбардировщики В-52.

Салага (*cherry*) – неопытный, необстрелянный новобранец.

Саперы – передовые подразделения Вьетконга и ВНА, прошедшие специальную подготовку по обращению со взрывчатыми веществами.

Скауты Кита Карсона – перебежчики из Вьетконга и Северовьетнамской армии, которые после соответствующей идеологической обработки и военной подготовки принимались на службу в разведывательные и боевые подразделения Корпуса морской пехоты США.

СНБ – Совет национальной безопасности США.

СОП (*Standard Operating Procedure / SOP*) – Стандартная операционная процедура, стандартный порядок действий.

ЦРУ – Центральное разведывательное управление США.

ЦУЮВ – Центральное управление Южного Вьетнама (COSVN – Central Office South Vietnam; вьетнам. *Trung Uong Cuc Mien Nam*), политический и военный штаб, руководивший всеми действиями партизанских сил на территории ЮВ; обычно находился рядом с камбоджийской границей.

Чиену-хой (*Chieu Hoi*) – южновьетнамская правительственная программа «Открытые объятия» по приему и реабилитации перебежчиков из Вьетконга и Северовьетнамской армии; также неофициальное название таких перебежчиков, например: «Он – *чиену-хой*».

Глава 1

Красавица и чудовища

Франция цепляется за империю

Давайте начнем эту длинную историю, поражающую своим трагизмом даже по сравнению с бесчисленными военными трагедиями последних веков, не с французов или американцев, а с рассказа о простом вьетнамце. Доан Фыонг Хай родился в 1944 г. в небольшой деревушке на шоссе № 6 всего в 30 км от Ханоя. Среди детских воспоминаний Хая⁶ – ряды колючей проволоки, окружавшие французский армейский пост на холме возле рынка, и то, как пели ее ржавые нити под порывами ветра. За проволочным ограждением, под развевающимся французским триколором жил вьетнамский трубач по имени Вьен, которого маленький Хай обожал. Вьен подарил ему несколько пустых консервных банок из-под сливочного масла и металлических крышек от бутылок, из которых мальчик соорудил отличную машинку. Вместе со своими друзьями Хай с восхищением слушал рассказы Вьена о сражениях, в которых тот участвовал, рассматривал шрам на его ноге, полученный на Известняковой горе, когда он трубил сигнал к атаке, во время которой бойцы Иностранного легиона якобы убили сотню коммунистов. Он разрешал мальчишкам потрогать свои сержантские полоски и раздаривал им гильзы.

Иногда Вьен пел глубоким грустным голосом, возможно вспоминая о своей матери, умершей год назад. Если у него было хорошее настроение, он вел свой маленький отряд на берег реки и трубил на горне военные мелодии, «одни приводили наши сердца в трепет, другие были настолько печальны, что заставляли плакать»⁷. Затем, в один из дней 1951 г., семья Хая погрузила свои нехитрые пожитки в старенький районный автобус, следовавший до Ханоя. Вьен, который как раз дежурил в дорожном патруле, на прощание подарил Хаю две пластинки жевательной резинки и нежно дернул за ухо. Когда автобус отъехал, мальчик обернулся и долго смотрел в окно – на Вьена, махавшего ему рукой в облаке красной пыли, на дома, рисовые поля, бамбуковые рощи и развесистые деревья *da*⁸ на краю деревни, навсегда исчезавшие из его жизни. Впереди Хая ждала череда путешествий и изгнаний, редких радостей и больших горестей, впрочем, как и весь вьетнамский народ в эти бурные десятилетия. Хотя он сам стал солдатом, никогда больше война не была овеей в его глазах тем ореолом романтики, которым некогда окружил ее сержант Вьен со своим горном.

Вьетнам пережил тысячу лет китайского владычества и стал независимым только в 938 г. в результате восстания; после этого китайцы еще несколько раз возвращали страну под свое правление, пока не были окончательно изгнаны в 1426 г. Впрочем, обретение независимости не принесло ни стабильности, ни процветания. Вплоть до 1802 г. севером и югом правили соперничающие династии, пока император Зя Лонг не объединил страну силой и не стал править ею единолично из новой столицы Хюэ. В конце XIX в. в ходе очередного империалистического раздела мира Индокитай привлек внимание Франции, которая силой оружия установила свое «прогрессивное доминирование» сначала на юге, в Кохинхине. В мае 1883 г., когда Национальная ассамблея в Париже проголосовала за выделение 5 млн франков на военную экспедицию с целью консолидации региона в качестве «протектората», консервативный поли-

⁶ Doan Phuong Hai, *The Sea on the Horizon*, Dong Van Publishing, San Jose CA 2000, 35.

⁷ Hai, 40.

⁸ Баньяновые деревья. – Прим. пер.

тик Жюль Делафосс заявил: «Господа, давайте называть вещи своими именами. Вам нужен не протекторат, а колония»⁹. Разумеется, так оно и было. Французы отправили 20-тысячный экспедиционный корпус в историческую область Тонкин на севере Вьетнама, которую они завоевали после года ожесточенных сражений. Превратив ее в протекторат, французы установили там безжалостное правление: хотя они отменили древний обычай казнить неверных жен, затаптывая их насмерть слонами, они распространили смертную казнь посредством обезглавливания, ранее предназначавшуюся только для воров, на всех, кто решался бросить вызов французскому присутствию. Колониальные власти потакали потреблению опиума и даже открыли в Сайгоне фабрику по его переработке.

Вьетнам – страна размерами чуть больше Италии или Французской метрополии площадью около 330 000 кв. км. Здесь преобладает гористая местность с обильной экзотической растительностью; остальное занимают плодородные низменности с чрезвычайно высокой сезонной влажностью. Редкий западный путешественник из числа тех счастливчиков, кои были избавлены от необходимости заниматься физическим трудом в этой изнуряющей влажной жаре, не был поражен красотой окружающих пейзажей и не ударялся в поэтические описания «рисовых полей с пасущимися на них водяными буйволами, на спине у которых восседали белые цапли и собирали с них насекомых; буйной растительности столь насыщенных, ярко-зеленых тонов, что от нее рябило в глазах; многочисленных паромов на реках цвета кофе с молоком; цветистых пагод и деревянных хижин на сваях в окружении стай собак и уток; парящего воздуха, обилия запахов и воды – воды буквально повсюду, отчего создавалось ощущение, будто все вокруг плодится, бурно растет, зреет и размножается»¹⁰.

Европейцы восторгались вьетнамским искусством плетения – соломенными крышами, корзинками самых причудливых форм и конусообразными шляпами. С любопытством разглядывали экзотическую съедобную живность, продававшуюся на уличных прилавках вперемежку с горами неизвестных специй. Удивлялись огромному числу гадалок и игроков в кости, а также выловленным в джунглях бабочкам размером с летучих мышей. Здесь была великолепная водная культура: по рекам и каналам скользили бесчисленные сампаны; рыбалка была не только развлечением, но и щедрым источником пищи. Путешественники красочно описывали петушиные бои, игорные дома-притоны с сомнительной репутацией и пышные церемонии в императорском дворце в Хюэ, где поддерживаемый французами марионеточный император устраивал роскошные обеды с жареными павлинами, по вкусу, говорят, напоминавшими жесткую телятину. К прибрежному району вокруг старой столицы обитатели дельты Меконга относились с большим подозрением, утверждая, что «горы там невысокие, реки не очень глубокие, однако же мужчины склонны к обману, а женщины чрезмерно развратны». Один европеец, влюбленный во вьетнамский язык, писал, что «разговаривающие вьетнамцы похожи на очаровательных уток: их односложный язык в тональных каденциях звучит как череда мелодичных криканий»¹¹.

В Индокитае насчитывалось более 50 этнических групп; некоторые из них населяли самые дикие районы Аннама¹², деля их вместе с тиграми, пантерами, слонами, медведями, кабанами и даже носорогами. Две обширные дельты – Красной реки (Хонгха) на севере и Меконга на юге – славились своим уникальным плодородием. Когда начался бум экспортной торговли рисом, французы принялись захватывать эти изобильные земли, вытесняя с них коренных жителей точно так же, как это делали американцы на Диком Западе и британские

⁹ Karnow Stanley, *Vietnam: A History*, Century 1983, 85.

¹⁰ West Richard, *War and Peace in Vietnam*, Sinclair-Stevenson 1965, 3.

¹¹ Young, Gavin, *A Wavering Grace*, Viking 1997, 18.

¹² Во второй половине XIX в Вьетнам попадает в колониальную зависимость от Франции Страна была искусственно разделена на три части – колонию Кохинхина (Южный Вьетнам), протектораты Аннам (Центральный Вьетнам) и Тонкин (Северный Вьетнам). Вместе с Лаосом и Камбоджей Вьетнам вошел в состав Французского Индокитаа. – *Прим. науч. ред.*

колонисты в Африке. Население Индокитая облагалось непомерными налогами и фактически оплачивало собственное порабощение. К 1930-м гг. 70 % крестьян превратились в арендаторов или сохранили лишь крошечные приусадебные наделы. В первой половине XX в. французские плантаторы – несколько сотен семей, сколотивших приличные состояния в колониальном Индокитае, – относились к вьетнамцам, по словам одного британского путешественника, «как в прежние времена рабовладельческая аристократия к своим рабам. То было полнейшее презрение, без которого невозможна никакая подлинная эксплуатация»¹³.

Колониальная администрация стояла на страже интересов французских плантаторов, каучуковых магнатов и владельцев угольных шахт. Она закрывала глаза на жестокое обращение с местной рабочей силой, а также поддерживала искусственно завышенный обменный курс франка к пиастру, что еще больше обогащало казну метрополии. Французы насаждали среди вьетнамцев свой язык, образование и культуру. По воспоминаниям одного вьетнамца, в школе учили тому, что их предками были галлы. Он узнал, что это не так, только когда его отец, сержант французской армии, строго и гордо сказал ему: «Твои предки были вьетнамцами»¹⁴. Как писал один австралийский хирург, даже среди простых людей существовало осознание «долгой непрерывной истории и древности своей цивилизации»¹⁵.

Положение вьетнамцев было чуть лучше, чем конголезцев под правлением бельгийцев, и чуть хуже, чем индийцев под властью британцев. В жизни вьетнамского высшего и среднего класса существовало глубокое противоречие: поневоле погруженные в европейскую культуру и язык, они мало пересекались с французами за пределами работы. Нгуен Зьонг, родившийся в 1943 г., с детства питал страсть к Тинтину¹⁶ и французским шпионским историям. Тем не менее, считая, как и все азиаты, физический удар наихудшим из оскорблений, он питал отвращение к привычке французских учителей в школе наказывать учеников оплеухами. Его родители никогда не приглашали в гости семью *колонов*¹⁷ и никогда не получали приглашения от такой семьи¹⁸. По словам Нормана Льюиса, Сайгон представлял собой «французский провинциальный городок в южной стране. Называть его дальневосточным Парижем столь же глупо, как Кингстон на Ямайке – вест-индийским Оксфордом. Здесь господствует дух чистой коммерции, отсюда – никаких безумных изысков, страстей, показной роскоши... 20 000 европейцев стараются держаться поближе друг к другу, заселяя несколько заросших тамариндами улиц»¹⁹.

Колониальная жизнь казалась большинству ее бенефициаров бесконечно комфортной и приятной – но лишь на какое-то время. Те, кто задерживался здесь слишком надолго, рисковали подцепить куда худшую болезнь, чем малярия или дизентерия, – лишаящую жизненных сил апатичность Востока, усугубляемую потреблением опиума и обилием слуг. Французские колонисты – старожилы Индокитая называли ее *le mal jaune* – «желтая хворь». Господствующее положение не спасало колонистов от презрения со стороны местной знати. Так, во Вьетнаме существовала традиция чернения зубов; белые зубы считались дурным тоном. Говорят, однажды вьетнамский император, принимая европейского посла, спросил: «Кто этот человек с зубами, как у пса?»²⁰ Норман Льюис писал: «Они слишком цивилизованны, чтобы плевать при виде белого человека, но демонстрируют полнейшее равнодушие... Даже рикша, которому вы платите вдвое больше принятой таксы – для пущей верности, берет деньги в угрюмом мол-

¹³ Lewis Norman, *A Dragon Apparent*, Jonathan Cape 1951, 99.

¹⁴ МП интервью с Лыу Доан Хюинем.

¹⁵ Wyndham MS, 14.

¹⁶ Тинтин – герой бельгийских книжных комиксов. – *Прим. ред.*

¹⁷ Колоны – французы, переехавшие на постоянное жительство во Вьетнам: землевладельцы, плантаторы, предприниматели, служащие и др. – *Прим. науч. ред.*

¹⁸ Из личной беседы автора с Зьонгом 10.11.2016.

¹⁹ Lewis, *A Dragon Apparent*, 19.

²⁰ Lewis, *A Dragon Apparent*, 24.

чании и сразу же отводит взгляд. Весьма некомфортно чувствовать себя предметом всеобщего отвращения, иностранным демоном»²¹.

Мало кто из вьетнамцев был доволен французским правлением, и локальные бунты вспыхивали один за другим. В 1927 г. в поселке Виньким в дельте Меконга молодежь организовала самодеятельную группу под названием Объединенная женская группа, которая выступала с антиколониалистскими постановками и концертами. 1930-е гг. ознаменовались всплеском крестьянских демонстраций, поджогов урожая, местных мятежей. Из-за постоянно растущего налогового бремени некоторые крестьяне попадали в тюрьму за неуплату налогов, другие оказывались в неумолимых тисках ростовщиков, в результате чего к 1943 г. почти половина земли во Вьетнаме оказалась сосредоточенной в руках менее 3 % крупных землевладельцев. Колониальные власти считали репрессии лучшим лекарством от всех проблем. Так, один офицер вьетнамской службы безопасности издевательски сказал арестованному мятежнику: «Как может кузнецик опрокинуть автомобиль?»²²

Тем не менее по всей стране действовало множество партизанских и бандитских групп, скрывавшихся на обширных диких территориях. На тюремном острове Пуло-Кондор, о котором ходили страшные слухи, камеры редко пустовали. Колониальные власти отправляли туда вьетнамцев, даже не пытаясь создать видимость надлежащего судебного процесса. Это место стало известно как «революционный университет»; через него прошли многие из тех, кто впоследствии сыграл важную роль в борьбе за независимость страны. Однако человеку, который стал их вождем – и одним из выдающихся революционеров XX в., удалось избежать этой участи.

Хо Ши Мин – «молочное» имя²³ Нгуен Шинь Кунг – родился в 1890 г. в деревушке в центральном Вьетнаме. Его отец, сын императорской наложницы, сумел дослужиться до статуса мандарина, но затем оставил императорский двор и стал школьным учителем. Хо, как и чуть позже его ближайшие соратники Во Нгуен Зяп, Фам Ван Донг и Нго Динь Зьем, учился в престижной государственной школе в Хюэ, основанной в 1896 г., из которой был исключен²⁴ в 1908 г. за революционную деятельность. Разорвав связи с семьей, Хо некоторое время работал учителем в сельской школе, но в 1911 г. поступил помощником кочегара на французский грузовой пароход и покинул страну. Три года он путешествовал по миру, затем провел год в Соединенных Штатах, которые его очаровали, после чего перебрался в Лондон и устроился на работу помощником шефа-кондитера в отеле Carlton. Он все активнее интересовался политикой и встречался с националистами всех мастей – ирландскими, китайскими, индийскими. Хо свободно говорил по-английски и по-французски, овладел несколькими китайскими диалектами и позже русским языком.

В 1919 г. он написал обращение к президенту США Вудро Вильсону и другим участникам Версальской (Парижской) мирной конференции, где просил поддержать борьбу вьетнамского народа за независимость: «Все поработанные народы преисполнены надежд в связи с теми перспективами, которые открывает перед ними новая эпоха права и справедливости... в борьбе цивилизации против варварства». В 1920 г. Хо принял участие в съезде Французской социалистической партии, где выступил со своей знаменитой речью: «Несколько минут – слишком мало, чтобы рассказать вам о всех тех злодеяниях, которые совершаются в Индокитае

²¹ Lewis, *A Dragon Apparent*, 27.

²² Elliott David W.P., *Mekong Delta 1930–1975*, Vol. I, M.E. Sharpe 2003, 34.

²³ По традиции в странах дальневосточного региона родители дают новорожденному, помимо официального первого имени, еще одно – «молочное», или домашнее, имя, которое используется только близкими родственниками в кругу семьи. – Прим. науч. ред.

²⁴ В официальной биографии Хо Ши Мина, утвержденной в современном Вьетнаме, не указано, что он был исключен из этой школы. В своей книге Макс Хейстингс использует обширный фактологический материал, при этом его методика изложения фактов, анализ событий, оценка деятельности политических фигур и т. д. могут отличаться от мнения и позиции других сторон. – Прим. науч. ред.

капиталистическими бандитами. В нашей стране больше тюрем, чем школ... Свободы прессы и слова для нас не существует... Мы не имеем права уехать за пределы страны... Они делают все возможное, чтобы одурманивать нас опиумом и алкоголем, превращая людей в животных... Они убивают нас тысячами... чтобы защитить свои интересы»²⁵. В последующие годы Хо стал плодовитым памфлетистом и много писал для газет левого толка, часто цитируя Ленина.

В 1924 г. он поехал в Москву, где познакомился с вождями молодого социалистического государства и несколько месяцев учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, после чего отправился в китайский Кантон в качестве переводчика советского советника, прикомандированного к Чан Кайши. Спустя три года, когда Чан объявил коммунистов врагами, Хо вернулся в Европу. Один из его французских товарищей вспоминал, что однажды, когда они беседовали с Хо, стоя на мосту через Сену, тот задумчиво сказал: «Я всегда мечтал стать ученым или писателем, но так вышло, что я стал профессиональным революционером. Мне приходится бывать во многих странах, но я мало что там вижу. У меня – строгие приказы, мой маршрут тщательно прописан. Я иду по пути, с которого не могу свернуть»²⁶.

«Приказы» от кого? В жизни Хо Ши Мина было много загадок. Он никогда не был женат; по-видимому, его эмоциональные потребности полностью удовлетворялись приверженностью политической борьбе. Кто финансировал его путешествия по всему миру? Находился ли он на службе у Москвы или же получал финансовую помощь от своих политических попутчиков? Неудивительно, что он стал коммунистом: мировой капитализм был имманентно враждебен его устремлениям. Хо был примечателен не столько своим учением и политическими взглядами, которые не отличались оригинальностью, но своим необычайным даром внушать веру, преданность и даже любовь другим людям. Вот как описал один вьетнамский студент свою первую встречу с Хо в Париже: «Ему была присуща хрупкость, даже болезненная бледность. Но это лишь подчеркивало то невозмутимое достоинство, которое окутывало его, словно доспехи. Он излучал внутреннюю силу и щедрость духа, которые поразили меня в самое сердце»²⁷.

В 1928 г. Хо посетил Бангкок, где встретился с находящимися в изгнании индокитайскими националистами. В следующем году в Гонконге он председательствовал на встрече лидеров соперничающих вьетнамских политических организаций, которая, чтобы не привлекать внимание полиции, проходила на стадионе во время футбольного матча. Он убедил своих соотечественников объединиться под знаменем Коммунистической партии Индокитая, которая в 1931 г. была официально признана Коминтерном. В последующие годы во Вьетнаме произошла серия восстаний. В ответ французы подвергли бомбежкам повстанческие деревни и обезглавили многих местных лидеров. Хотя Хо не был напрямую причастен к организации восстаний, он был объявлен в розыск в европейских странах и колониях. Ему пришлось скрываться от властей; в конце концов он уговорил одного больничного служащего в Гонконге объявить его мертвым и сбежал в Китай. После этого он жил между Китаем и СССР, страдая от тяжелых лишений и болезней. Один французский коммунист, встретившийся с Хо в этот период, описал его как человека «натянутого как струна, одержимого одной мыслью: освободить свою страну».

В начале 1941 г., спустя 30 лет, Хо тайно вернулся во Вьетнам, путешествуя пешком и на сампанах. Именно тогда он взял себе псевдоним, под которым вошел в историю, – Хо Ши Мин, или «Несущий свет». Он поселился в пещере в горах на севере страны и принялся спланировать вокруг себя революционно настроенную молодежь, среди которой были и будущие герои революции Фам Ван Донг и Во Нгуен Зяп. Молодые люди прозвали 50-летнего Хо Ши Мина «дядюшкой Хо». Как впоследствии вспоминал Зяп, он представил Хо своему маленькому пар-

²⁵ Andelman David, *Shattered Peace*, Wiley 2008, 128.

²⁶ Karnow, 123.

²⁷ Tang Truong Nhu, *A Vietcong Memoir*, Vintage 1986, 11.

тизанскому отряду так: «Товарищи, этот пожилой человек – уроженец наших мест, крестьянин, который любит революцию». Но все сразу поняли, что он – не местный и уж определенно не крестьянин. Он нарисовал карты Ханоя для тех, кто никогда не был в городе, и посоветовал копать туалеты. Один ветеран вспоминал: «Про себя мы думали: “Что это за старик, который дает нам советы, что нам делать с нашим дерьмом?!”»²⁸ Тем не менее Хо быстро стал общепризнанным лидером не только местной группы, но и новой коалиционной организации под названием Лига независимости Вьетнама, сокращенно Вьетминь. Хотя лидеры движения не старались скрывать своих идеологических взглядов, лишь намного позже они открыто объявили коммунизм единственно допустимым учением.

Завоевание нацистами Западной Европы существенно пошатнуло власть Франции в ее колониях и усугубило страдания подчиненных народов. В Индокитае колониальные власти под предлогом нужд военного времени реквизируют у населения все, вплоть до предметов первой необходимости – спичек, одежды, лампового масла. В 1940 г. коммунисты организовали в дельте Меконга короткое восстание, в ходе которого были убиты несколько французских чиновников. Размахивая флагами с серпом и молотом, повстанцы захватили склады с рисом и раздали его населению, разрушили несколько армейских постов и мостов. Так называемое восстание в Намки длилось всего 10 дней, и в нем приняла участие лишь незначительная часть населения, однако же оно в полной мере показало гнев, который бурлил под поверхностью.

Летом 1940 г. Япония, воспользовавшись своим военным доминированием в регионе, ввела войска в Индокитай, якобы чтобы прервать транзит военных поставок из западных стран в Китай. Постепенно военное присутствие переросло в оккупацию Индокитая, что вынудило Франклина Рузвельта в июле 1941 г. наложить на Японию знаменитое нефтяное эмбарго. Хотя номинально Индокитай остался французским, в нем всецело хозяйничали японцы. Остро нуждаясь в сырье для своей промышленности, они заставили вьетнамцев сократить производство риса в пользу хлопка и джута. Это, вкупе с насильственным вывозом продовольствия, привело к тому, что в самом богатом рисопроизводящем регионе Юго-Восточной Азии население начало голодать.

Ситуация усугубилась в 1944 г., когда в результате засухи и последовавших за ней наводнений в стране разразился повсеместный голод, приведший к смерти по меньшей мере 1 млн вьетнамцев – каждого десятого жителя Тонкина. По своим масштабам это бедствие было сопоставимо с голодом в Восточной Бенгалии в британской Индии в 1943 г. Имелись достоверные сообщения даже о случаях каннибализма среди местного населения. Однако французов все это не коснулось. Голод остался в памяти многих северных вьетнамцев как самый ужасающий опыт в их жизни, даже на фоне пережитых впоследствии войн. Один вьетнамец, выросший в деревне под Ханоем, вспоминал, что в детстве мать строго ругала детей за небрежное обращение с едой, говоря: «Если бы ты пережил 1945 г., ты бы так не делал!»²⁹

Другой крестьянин описывал заброшенные деревни и отчаявшихся людей: «Тощие тела в лохмотьях бродили по проселочным дорогам и городским улицам. Потом на обочинах дорог, во дворах пагод, в городских парках, на площадях перед церквями, рынками, автобусными и железнодорожными вокзалами стало появляться все больше трупов. Группы голодных мужчин и женщин с младенцами на руках и детьми рыскали по садам и полям в поисках всего, что можно было съесть: они ели зеленые бананы, почки и сердцевину банановых стволов, побеги бамбука. Жителям нашей деревни приходилось защищать свои земли с оружием в руках»³⁰. Трупы увозили на запряженных волами телегах и хоронили в общих могилах. Однажды его

²⁸ МП интервью с Чан Чонг Чынгом.

²⁹ АИ с Чаном, 09.07.2016.

³⁰ Luan Nguyen Cong, *Nationalist in the Vietnam Wars*, Indiana University Press 2012, 25.

трехлетняя сестра ела рисовый пирог на пороге дома, когда к ней подскочил изможденный парень, «похожий на призрака в лохмотьях», выхватил кусок пирога и убежал прочь.

В некоторых районах власти организовали благотворительные кухни, где голодающим раздавали жидкую кашу, и те выстраивались за ней в огромные очереди. Ван Ки, в то время тонкинский подросток, впоследствии ставший известным вьетнамским бардом, вспоминал: «Когда утром ты выходил из дома, под дверью нередко можно было обнаружить труп. Если где-то собралась большая стая ворон, значит, там тоже лежал труп»³¹. Удивительно ли, что в таких условиях все больше людей становились революционерами? Ван Ки родился в 1928 г. в крестьянской семье, но вырос в доме своего дяди, необычайно образованного человека. Благодаря ему Ки познакомился с баснями Лафонтена, по которым в детстве разыгрывал собственные маленькие пьесы, и зачитывался французскими романами, такими как «Отверженные» Виктора Гюго. В возрасте 15 лет Ки распространял коммунистические листовки и возглавлял вооруженный отряд местного подполья, пока в конце концов не решил, что своими творческими талантами принесет делу революции больше пользы, чем военными. Коммунистические пропагандисты хорошо понимали всю силу воздействия музыки и использовали для распространения своих идей традиционные народные песни, исполнявшиеся странствующими труппами. Чуть позже Ван Ки написал балладу «Хи Вонг» – «Надежда», которая стала одним из любимых гимнов революционно-освободительного движения. История Ван Ки наглядно демонстрировала примечательную особенность вьетнамской борьбы за независимость: уважение к французской культуре не препятствовало решительному намерению изгнать французов из Вьетнама.

³¹ МП интервью с Ван Ки.

Победный марш Вьетминя

Завершающий этап Второй мировой войны изменил расстановку сил в регионе. В марте 1945 г. японцы организовали в Индокитае переворот, свергнув французский марионеточный режим и установив в стране свою власть. Колониальная система была устойчивой лишь до тех пор, пока подчиненные народы воспринимали ее как неизбежный порядок вещей – отношение, которое в Юго-Восточной Азии навсегда кануло в лету. Жестокость новых правителей отвращала от них вьетнамцев, но многие были впечатлены военной мощью азиатского соседа: некоторые называли японцев «оай» – «внушающими страх»³². В июле Управление стратегических служб США (УСС) – американский «спонсор» партизанской войны – направило в Индокитай группу агентов во главе с майором Архимедом Патти, чтобы наладить контакты с Хо Ши Мином. Эти неопытные молодые американцы, как и их британские коллеги в оккупированных странах по всему миру, были рады найти друзей во враждебной среде: они смотрели на происходящее, на своих новых друзей и их намерения через розовые очки романтики. Один 22-летний вьетнамский партизан, решив подшутить над агентом УСС, предупредил того, что опасно выходить за пределы партизанского лагеря в Танчао: «Если ты попадешь в руки японцев, они съедят тебя, как свинью!» Когда он рассказал об этой шутке Зяпу, тот сделал ему жесткий выговор: «Мы – революционеры, а эти американцы – наши союзники, поэтому мы должны вести себя с ними культурно и цивилизованно»³³.

Политика Вашингтона в Индокитае была неумелой и непоследовательной. Его военные союзники были больше озабочены завершением разгрома Германии и Японии. Между тем местные националисты, от Югославии до Бирмы и от Греции до Вьетнама, как только оттуда изгонялись силы гитлеровской коалиции, разворачивали активную борьбу, чтобы взять политическую власть в свои руки. Освободившись от фашистского ига, колониальные подданные не желали возвращаться под гнет своих бывших хозяев, будь то французы, британцы или голландцы. Агенты УСС были очарованы личностью Хо Ши Мина и позволили убедить себя в том, что поставляемое американцами оружие будет использовано только против японцев. Партизаны Вьетминя даже устроили несколько небольших показательных акций против японских оккупантов, тогда как втайне продолжали копить оружие и строить планы против своего главного врага – французов. Военачальником партизанских сил Хо назначил своего верного соратника Во Нгуен Зяпа. Бывший учитель и заядлый любитель истории, Зяп не имел никакого военного образования, когда 22 декабря 1944 г. сформировал первый вооруженный отряд – так называемый Отряд пропаганды, состоявший всего из 34 бойцов, включая трех женщин. 15 мая 1945 г. этот отряд вошел в состав вновь созданной Армии освобождения Вьетнама.

Современная история Вьетнама с нескрываемым удовлетворением повествует о том, как вьетнамские коммунисты использовали западные страны для достижения собственных целей. Так, в 1943 г., после захвата союзными силами французского Мадагаскара, где правил провиантский режим, британское Управление специальных операций завербовало семерых вьетнамских заключенных, которые прозябали в местной тюрьме. Те заверили своих освободителей, что хотят вернуться на родину и освободить ее от врагов, не упомянув, однако, о том, что врагами своей страны считают не столько японцев, сколько французов. Далее история Вьетминя гласит: «Эти семеро притворились, что хотят стать агентами Союзников, но их сердца и умы принадлежали коммунистической партии»³⁴. После небольшого курса подготовки их забросили на парашютах во Вьетнам. Новоиспеченные агенты опасались возмездия, за то что

³² Elliott, Duong Van Mai, *The Sacred Willow: Four Generations in the Life of a Vietnamese Family*, Oxford 1999, 105.

³³ МП интервью с Чынгом.

³⁴ . *People's Public Security Newspaper*, 21.04.2014.

они согласились работать на британскую разведку, однако коммунисты приняли их с распростертыми объятиями. Им сразу же поручили передать в Калькутту просьбу увеличить поставки оружия, средств связи и медикаментов, которые якобы предназначались для борьбы с японскими оккупантами.

Внезапная капитуляция Японии в августе 1945 г. позволила Хо перехватить инициативу и заполнить образовавшийся вакуум власти. Его эмиссары убедили Бао Дая, слабохарактерного и бездеятельного молодого марионеточного императора Вьетнама, написать в Париж письмо, заявив о том, что единственный способ для Франции сохранить свое положение во Вьетнаме – «открыто и прямо признать его независимость»³⁵. Генерал Шарль де Голль, глава Временного правительства Франции, отказался отвечать на это послание, однако же был вынужден отреагировать, когда 25 августа Бао Дай отрекся от престола, перед этим пригласив Хо Ши Мина сформировать правительство. Вождь Вьетминя отправился со своими последователями победным маршем в Ханой, столицу Тонкина, и 2 сентября 1945 г. перед огромной восторженной толпой, собравшейся на городской площади Бадинь, провозгласил создание независимой Демократической республики Вьетнам. «Французы бежали, японцы капитулировали, император Бао Дай отрекся от престола, – сказал он. – Наш народ разрушил цепи колониального рабства, сковывавшие его на протяжении более чем столетия»³⁶.

Эта новость была транслирована по радио по всей стране. Современник тех событий, в то время школьник, живший к югу от Хюэ, вспоминал: «Наши учителя были очень счастливы»³⁷. Они сказали нам, чтобы мы шли на улицы и праздновали независимость вместе со всеми. Они сказали: даже когда вы будете стариками... вы должны помнить этот день». Хо позаботился о том, чтобы представить переворот в надлежащем пропагандистском свете: в своей речи он процитировал Декларацию независимости США и уговорил агентов УСС сфотографироваться на церемонии поднятия флага Вьетминя. Фортуна благоволила Хо: как раз в этот момент в небе проревела эскадрилья американских истребителей Р-38 – в глазах тысяч собравшихся это было знаком того, что Соединенные Штаты благословили новое правительство.

На самом же деле, в отсутствие строго политического курса со стороны Вашингтона, молодые идеалисты из УСС и Госдепартамента фактически проводили собственную политику. Патти, на тщеславии которого Хо играл как на лютне, описывал лидера Вьетминя как «добрую душу», а один из его коллег вспоминал: «Мы рассматривали Хо в первую очередь как борца за национальную независимость и лишь потом – как коммуниста». Патти впоследствии признавался: «Возможно, я был несколько наивен в отношении тех намерений и целей, которые стояли за использованием слов [из Декларации независимости США 1776 г.] ... Но, как бы то ни было, я был убежден, что вьетнамцы имели законное право требовать и получить независимость. В конце концов, разве [во Второй мировой войне] мы воевали не за это?»³⁸

Харизматичный вождь зачастую является решающим фактором успеха в революционной борьбе – возьмите Ганди и Неру в Индии, Кениату в Кении, Кастро на Кубе. В 1945 г. Хо Ши Мин стал единоличным вождем вьетнамского движения за независимость и сумел заручиться такой легитимностью своей власти, что та оказалась неприступной, даже когда его режим стал проявлять свое истинное, подчас варварское лицо. Нгуен Као Ки, в то время 16-летний подросток, вспоминал, что в те дни «у меня на губах, как и у всех моих сверстников в Ханое, было только одно имя – Хо Ши Мин»³⁹. Во многих домах висели его портреты. По словам дру-

³⁵ Lacouture Jean & Devillers Philippe, *End of a War*, Pall Mall 1969, 138.

³⁶ Документы ДРВ.

³⁷ Trullinger James W., *Village at War: An Account of Revolution in Vietnam*, Longman 1980, 43.

³⁸ Charlton Michael & Moncrieff Anthony eds., *Many Reasons Why: The American Involvement in Vietnam*, Scolar 1978, 12.

³⁹ Ky Nguyen Cao, *Buddha's Child: My Fight to Save Vietnam*, St Martin's 2002, 19.

гого молодого вьетнамца, они «изголодались по герою, которому можно было поклоняться»⁴⁰. Французы не пытались возвращать местную политическую элиту, которая сочувствовала бы чаяниям собственного народа; в результате богатые и образованные вьетнамцы существовали в мире, абсолютно чуждом миру крестьян и простых людей. Хо и его соратники хорошо понимали, что коммунистические идеи не получают широкой поддержки, поэтому они объединили значительную часть вьетнамского общества под эгидой изгнания французов. Как бы то ни было, в последующие годы произошло нечто мистическое: Хо достиг почти божественного статуса, с которым не мог сравниться ни один другой правитель в мире.

В первые годы борьбы за независимость земли крупных землевладельцев в «освобожденных зонах» в принудительном порядке передавались в собственность крестьян. Хо и его соратники умалчивали о том, что рассматривают это перераспределение земель всего лишь как промежуточный шаг на пути к коллективизации. Тем временем приближенная к Хо верхушка и подконтрольные СМИ рисовали идеалистические картины жизни в СССР, расхваливая его как рай на земле и образец для подражания для Вьетнама. Умело окружая себя аурой достоинства и мудрости, которая неизменно производила на людей глубочайшее впечатление, Хо показал себя гениальным политическим манипулятором. Под добродушной личиной «дядюшки Хо» скрывалось качество, необходимое для всех революционеров: абсолютное равнодушие к человеческим жизням, к той цене, которую платил его народ за принятые им политические решения. Возможно, человечеству давно пора оценивать политические движения не по их капиталистической, коммунистической или даже фашистской направленности, а по их отношению к человеку – фундаментальной гуманности. Что касается Вьетмина, то один из его лидеров, Во Нгуен Зяп, четко выразил его позицию: «Во всем мире каждую минуту умирают сотни тысяч человек, а потому гибель сотен, тысяч и даже десятков тысяч наших соотечественников не значит почти ничего».

Действия Хо Ши Мина отражали ту же убежденность, хотя ему хватало политической дальновидности не озвучивать подобные мысли перед представителями Запада. Велось много споров о том, был ли он «настоящим» коммунистом или же просто националистом, принявшим учение Ленина в силу политической необходимости. Все имеющиеся факты свидетельствуют в пользу первого. Он никогда не был титоистом, как предполагали некоторые его западные апологеты, и неоднократно осуждал выход Югославии из советского блока в 1948 г. Он открыто восхищался Сталиным, хотя тот никогда не отвечал ему взаимным доверием и не предлагал какой-либо значительной помощи.

Также представляется маловероятным предположение о том, что Вьетнам мог бы избежать коммунизма, если бы Франция в 1945 г. объявила о своем намерении покинуть страну и запустила срочный переходный процесс, найдя надежных местных лидеров и подготовив их к управлению страной, как это сделали британцы перед уходом из Малайи. Как бы то ни было, французы выбрали наиболее самоубийственный путь, заявив о своей железной решимости не допустить независимости Вьетнама. Непримириемость колонистов обеспечила Хо Ши Мину позицию морального превосходства в предстоящей борьбе.

Главная ответственность за эту ошибочную политику лежит на де Голле. В марте 1945 г. он отверг предложение Пьера Мессмера, ответственного по делам колоний и заморских территорий, начать переговоры с Вьетмином. Вместо этого высокомерный генерал отправил в Сайгон нового верховного комиссара – адмирала Тьерри д'Аржанлье, убежденного колониалиста, поручив ему вернуть Индокитай под французское правление. В некоторых частях мира, особенно в Африке, отсутствие пользующихся народным доверием националистических сил позволило европейским империям еще несколько десятилетий удерживать свою власть и привилегии. Но во Вьетнаме, как и по всей Азии, колониальная система начала трещать по швам,

⁴⁰ Luan, 35.

как только на сцену вышли местные лидеры, к голосу которых прислушивалось население. Это была новая реальность, которую Франция на протяжении следующего десятилетия упрямо старалась отрицать.

12 сентября 1945 г., менее чем через месяц после того, как Вьетминь захватил власть в Ханое, в Сайгоне высадились британо-индийские войска. Они освободили из тюрем озлобленных французских колонистов и после серии беспорядочных и кровавых стычек, в которых японцы иногда воевали на стороне союзных сил, очистили город и юг страны от вьетминевцев. Командующий британским корпусом генерал-майор Дуглас Грейси заявил: «Вопрос о правлении Индокитаем – исключительно дело Франции». Один из его офицеров так описал первую встречу с представителями Вьетминя: «Они явились ко мне и сказали “Добро пожаловать” и все такое. Мне было неприятно это слышать, и я быстро выставил их за дверь. Совершенно очевидно, что это были коммунисты»⁴¹. Некоторые резко критикуют Грейси, за то что он использовал оружие для подавления вьетнамских борцов за независимость. Но не нужно забывать, что Грейси не был ни Цезарем, ни даже Маунтбеттеном; как и многие другие генералы в те дни, он просто выполнял данный ему приказ: штыками восстановить довоенный порядок.

По просьбе Вашингтона Чан Кайши направил на север Вьетнама 150 000 своих солдат, чтобы помочь союзным силам установить контроль над страной. Вьетнамцы называли их «тау-фу» – «опухшими китайцами», потому что у многих из них, вероятно из-за болезни бери-бери, распухли ноги. Китайцы вели себя скорее как саранча, чем как воины, съедая в сельской местности все, что можно было съесть, и забирая из крестьянских домов все, что можно было унести. Они не могли помешать распространению политического влияния харизматичного Хо и даже продавали оружие Вьетминю. В начале октября 1945 г. в Сайгон прибыли первые части французского экспедиционного корпуса, однако активные военные действия по восстановлению контроля над севером страны начались только через год – отсрочка, которая стала бесценной для коммунистов и фатальной для колониалистов.

Фам Фу Банг, 16-летний студент, мечтавший о независимости своей страны, считал Вьетминь исключительно национально-освободительным движением: «Тогда я ничего не знал о коммунизме». Когда японцы оккупировали страну, он с воодушевлением наблюдал за тем, как их соседи-азиаты унижают бывших французских господ – «словно два могучих буйвола сцепились рогами»⁴². После капитуляции Японии Банг присоединился к рядам революционеров-националистов: он воровал оружие у зазевавшихся китайских солдат, писал плакаты с лозунгами «Да здравствует Хо Ши Мин!» и «Да здравствует свободный Вьетнам!». Однажды его отправили сопровождать поезд с рисом, направлявшийся на север в пострадавшие от голода районы. Когда они доехали до разбомбленного союзниками моста, вьетминевцы решили обратиться за помощью к местным жителям, чтобы переправить мешки через реку. Но вскоре поезд был осажден толпой голодающих людей. К Бангу подошел человек, больше похожий на скелет, и Банг насыпал ему банку риса. Но человек отчаянно просил насыпать еще одну банку для своего ребенка. «Мы много спорили между собой, кто виноват в этой ужасающей ситуации – японцы, которые оккупировали нашу страну, французы, которые ели, сколько хотели, не думая о вьетнамцах, или американцы, которые бомбили железные дороги. Мы решили, что виноваты все трое. Мы спрашивали у себя: почему у нашей маленькой небогатой страны столько врагов?»

В течение 1945–1946 гг. Вьетминь поглотил некоммунистическую организацию Авангард молодежи и подавил другие оппозиционные группы на севере страны. Многие лидеры соперничающих движений были брошены в тюрьмы, а в сельской местности было ликвидировано несколько тысяч предполагаемых «врагов народа». 4 января 1946 г. Вьетминь поспешил

⁴¹ АИ с Джоном Камероном-Хейзом, 14.04.2016.

⁴² АИ с Бангом, 07.10.2016.

объявить о своем триумфе на общенациональных выборах, результаты которых, несомненно, были фальсифицированы, – практика, которая стала стандартной во Вьетнаме в последующие десятилетия. На протяжении короткого периода времени, пока на севере присутствовали китайские войска и представители союзных сил, вьетминевцы сохраняли видимость свободы слова. Но к середине июня, когда большая часть армии Чан Кайши покинула страну, чистки возобновились.

Люди Хо оперативно и твердой рукой захватили власть в сельской местности, особенно в удаленных районах на границе с Китаем. Но в дельте Меконга, где к началу 1946 г. французы восстановили свой контроль, повстанцам приходилось действовать тайно от колониальной администрации. Среди активных деятелей вьетминевского подполья был прошедший тюремные университеты Ле Зуан, который спустя два десятилетия будет править Вьетнамом. Поскольку французы изгоняли вьетминевцев из городов, он, как и многие его соратники, обосновался в сельской местности в дельте Меконга, чтобы начать партизанскую борьбу с колониальной властью.

То, что Франция избрала заведомо обреченный курс, отчасти можно объяснить унижением, пережитым ею во Второй мировой войне. Аналогичная колониальная катастрофа была предотвращена в Индии, не в последнюю очередь благодаря мудрости британских избирателей, которые на выборах 1945 г. поддержали социалистическое правительство, принявшее историческое решение покинуть Индийский субконтинент и Бирму. В отличие от этого, летом 1945 г. в Париже чернокожий сенатор от Французской Гвианы Гастон Моннервилль заявил: «Без Империи Франция сегодня была бы не более чем освобожденной страной... Благодаря своей Империи Франция стала страной-победительницей»⁴³. Череду сменяющих друг друга правительств Четвертой республики была немошной во всем, кроме готовности применять силу в заморских владениях с безжалостностью, с которой не мог сравниться даже СССР. Когда в мае 1945 г. в Алжире вспыхнуло стихийное восстание, в ходе которого было убито около сотни европейцев, французские войска в ответ уничтожили почти 25 000 алжирцев. При подавлении восстания в марте 1947 г. на Мадагаскаре, где 37 000 *колонов* правили более чем 4,2 млн чернокожих подданных, было убито 90 000 человек. Только в обессиленном послевоенном мире, исчерпавшем свои запасы праведного гнева, европейской державе могли безнаказанно сойти с рук горы трупов. Однако французы восприняли молчание как карт-бланш: если мир закрыл глаза на кровопролитие в Алжире и на Мадагаскаре, значит, то же самое можно сделать в Индокитае.

Впрочем, гораздо больше, чем бесчеловечность французов, озадачивала проявленная Соединенными Штатами готовность оказать им поддержку. Без американской военной помощи колониальная политика Парижа рухнула бы в одночасье. Историк Фредрик Логеваль заметил⁴⁴, что решение США помочь послевоенному восстановлению Франции было бы в высшей степени похвальным, если бы американцы отказались поддерживать ее имперские безумства. Вероятно, эту весьма спорную политику США отчасти можно объяснить тем, что, хотя на тот момент холодная война еще не достигла «ледяной» стадии, вашингтонские политики не могли спокойно смотреть на то, как коммунисты захватывают все новые территории. Даже если на словах американские либералы ненавидели колониализм, в эпоху, когда в их собственной стране расовая сегрегация по-прежнему оставалась нормой, подчинение белыми людьми «низших рас» не казалось им таким уж вопиющим злом, как несколько десятилетий спустя. Таким образом, несмотря на скорее колониальную, нежели антикоммунистическую направленность французской политики в Индокитае в конце 1940-х гг., Соединенные Штаты ее поддержали:

⁴³ Girardet Raoul, *L'Idée Coloniale en France*, Table Ronde 1972, 281.

⁴⁴ Logevall, Fredrik, *The Embers of War*, Random House 2012, 106.

если на то пошло, интересы вьетнамского, малагасийского, алжирского и других подчиненных народов не входили в число приоритетов президента Трумэна.

Некоторые вьетнамцы поначалу расценили возвращение французов как приемлемую временную целесообразность, чтобы избавиться от китайской армии, разграблявшей север страны. Хо Ши Мин официально возглавил новую Демократическую Республику Вьетнам в Тонкине – и Франция символически признала и республику, и Хо как ее президента. В июле 1946 г., когда Хо прибыл в Париж, чтобы провести переговоры о конституционном будущем своей республики, его встретили со всеми почестями, как главу государства. Но это оказалось не более чем бутафорией. В ходе переговоров в Фонтенбло французское правительство ясно дало понять, что Хо пригласили в Париж не договариваться о передаче власти, а чтобы получить инструкции от своих хозяев. Позиция де Голля была непоколебима: «Вместе с заморскими территориями, которые французы открыли для цивилизации, Франция – великая нация. Без этих территорий она перестанет быть таковой».

Глава французской делегации презрительно заявил лидеру Вьетминя: «Нам хватит обычной полицейской операции и восьми дней, чтобы избавиться от всех вас». Несколько недель после этого Хо пребывал в отчаянии. Чыонг Ны Танг, который три десятилетия спустя станет министром временного революционного правительства Южного Вьетнама, был в числе вьетнамских студентов, которые встретились в Париже со своим героем. Новоиспеченный национальный лидер бесповоротно завоевал их сердца, когда попросил называть себя «дядюшкой Хо», а не «господином президентом». Он поинтересовался у них, каким они видят будущее Вьетнама, и посвятил общению с ними целых полдня. Трудно представить другого мирового лидера, который при подобных обстоятельствах сделал бы то же самое. «Когда Хо узнал, что среди членов студенческой группы есть представители и севера, и юга, и центра страны, он воскликнул: “Итак, молодое поколение нашей великой семьи... вы должны помнить, что реки высыхают, горы разрушаются, но нация вечна”»⁴⁵. Его слова глубоко поразили молодых патриотов: «...то был язык лозунгов и поэзии, с помощью которого вьетнамские вожди всегда сплавляли людей... С того дня я стал верным сторонником Хо Ши Мина. Меня покорили его простота, обаяние, дружелюбие. Его пламенный патриотизм стал для меня идеалом на всю оставшуюся жизнь».

Хо вернулся в Тонкин, понимая, что никакие мирные договоренности невозможны. Французы, как всегда, вели двойную игру: как только они перебросили во Вьетнам дополнительные войска, самолеты и военные корабли, они ужесточили свою хватку на юге, после чего двинулись на север. Летом 1946 г. командующий французскими войсками в Индокитае Филипп Леклерк объявил Хо врагом Франции и предрек повстанцам полный разгром. Пропедедший Вторую мировую войну генерал с презрением относился к так называемому министру обороны Вьетминя Во Нгуен Зяпу. Своей широкой, заразительной улыбкой Зяп вводил западных людей в заблуждение, создавая впечатление более добродушного и мягкого человека, чем Хо. На самом же деле безжалостность Зяпа могла сравниться только с его тщеславием: пренебрежительные высказывания Леклерка лишь разжигали его пламя ненависти к колонизаторам.

Через некоторое время Леклерк изменил свое мнение, убедившись в том, что Франция не сможет удержать Индокитай перед лицом непримиримой враждебности, сплотившей коммунистические и некоммунистические силы, но это произошло слишком поздно. Вскоре после этого он погиб в авиакатастрофе в Африке, и политика метрополии в Индокитае оказалась полностью сосредоточенной в руках Тьерри д'Аржанлье. Отличаясь поистине иезуитской гибкостью, верховный комиссар убедил Париж в том, что Вьетминь можно раздавить: «Иметь дело с Хо Ши Мином для нас невозможно... Нам следует найти других людей, с которыми мы сможем договориться». Французы решили восстановить у власти отрекшегося императора Бао

⁴⁵ Tang, 12.

Дая. Однако во Вьетнаме, как и во многих других угнетенных странах по всему миру, наступила эпоха подъема левых сил. Ни один другой потенциальный вьетнамский лидер не пользовался и малой долей той народной любви, которую сумел завоевать Хо.

В ноябре 1946 г., после срыва переговоров, французы подвергли интенсивной бомбардировке с воздуха и ударам с моря предполагаемые лагеря Вьетминя в портовом городе Хайфон и вокруг него. Погибло несколько тысяч человек; только европейский квартал избежал разрушений. 19 декабря д'Аржанлье выдвинул ультиматум, потребовав от Вьетминя вывести из города свои вооруженные формирования, однако в ответ вьетминевцы подняли вооруженное восстание в Ханое, которое продолжалось почти 60 дней. В результате ожесточенных боев французы выдавили вьетминевцев из разрушенного города и поспешили объявить о том, что восстановили контроль над Тонкином.

Но иностранные наблюдатели были настроены скептически. В декабре корреспондент лондонской *The Times* написал: «Как только колониальная власть начинает отвечать насилием на насилие, она заведомо обрекает себя на поражение. Даже если французская армия сумеет отвоевать большую часть Индокитае, ни один француз, будь то чиновник, фермер или торговец, не сможет жить за периметром колючей проволоки». Для Хо и Зяпа стало очевидно: им нужно готовиться к затяжной войне. В поисках новых баз, находящихся вне досягаемости для французских бомбардировщиков и военных кораблей, они приказали своим вооруженным отрядам, в общей сложности насчитывавшим около 30 000 бойцов, покинуть города и деревни и отправиться во Вьетбак, удаленный лесисто-гористый район на северо-западе страны.

Лидеры Вьетминя, ставшие обитателями пещер и лесных хижин, не питали иллюзий по поводу того, что со своим ополчением смогут добиться полной военной победы. Они избрали другую стратегию: сделать французское присутствие в Индокитае непомерно дорогостоящим. Небольшие подпольные группы вели партизанскую войну по всей стране, в то время как регулярные формирования проводили организованные боевые операции на севере, когда представлялись благоприятные условия. Вьетминевцы полагались в основном на захваченное оружие, но вскоре при помощи 3000 японских дезертиров наладили и собственное оружейное производство. Проявляя безграничную изобретательность, они перезаряжали использованные французские гильзы и изготавливали мины из захваченных артиллерийских снарядов и минометных бомб. К тому времени Вьетминь открыто или тайно поддерживали в общей сложности около 10 млн человек, которые платили ему разного рода налоги, несли трудовую повинность или воевали в его рядах. Хотя Вьетминь осуждал торговлю опиумом как проявление колониальной эксплуатации, Хо не видел ничего зазорного в том, чтобы использовать ее как источник доходов для своего революционного движения.

Семья всегда была священным институтом вьетнамского общества, но в те дни многие семьи распадались из-за идеологических разногласий. Отец 10-летнего Чан Хоя был мелким торговцем в Ханое и убежденным сторонником французского правления. «Если нам придется выбирать между колониальным господством и коммунизмом, – заявил он, – я выберу колониализм, потому что это открывает нам доступ к западной цивилизации»⁴⁶. Он вдрызг разругался с дядей Хоя, врачом, который объявил о своем решении присоединиться к движению Хо Ши Мина. Такие семейные расколы оставались открытыми ранами на протяжении многих последующих десятилетий. Война в Индокитае только начиналась.

⁴⁶ АИ с Хоем, 14.09.2016.

Глава 2

«Грязная война»

Паровые катки

В первые месяцы 1947 г. Шарль Трене напомнил всему миру о красоте французского языка, напевая своим проникновенным голосом: «...la mer, qu'on voit danser la long des golfes claires». Впрочем, при переводе с французского весь налет таинственного романтизма исчезал: «Море, что танцует вдоль прозрачных заливов». Кристиан Диор покорила воображение модниц новым стилем New Look с его пышными юбками, осиной талией и подчеркивающими грудь лифами. Люди с удовольствием стряхивали с себя аскетизм военного времени. Французская культура, стиль и красота, естественная или рукотворная, переживали новый расцвет. Обосновавшаяся в Париже британская писательница Нэнси Митфорд язвительно высмеивала своих соотечественников за их неспособность сравниться с французами в остроумии, утонченности и кулинарном искусстве.

И однако же этот умный, болезненно самолюбивый и умеющий наслаждаться жизнью народ ввязался в кровопролитную колониальную войну почти в 13 000 км от дома, которая в конечном итоге унесла жизни более 90 000 французов и несравнимо больше вьетнамцев. Большинство жителей французской метрополии относились к войнам за сохранение заморских колоний Империи – так называемым *les sales guerres*, или «грязным войнам», – с равнодушием, если не с откровенным цинизмом. Де Голль, который на тот момент находился в политическом изгнании, с опозданием осознал, что Франция не имеет в Индокитае жизненно важных интересов и не в состоянии его удержать. Однако колониалистское меньшинство было слишком влиятельно, чтобы позволить стране сойти с этого курса.

Джордж Оруэлл как-то сказал, что самый быстрый способ закончить войну – проиграть ее. Франции потребовалось на это почти десять лет. В разных регионах Индокитая война принимала разные формы. На севере значительные французские силы сражались с крупными регулярными формированиями Вьетминя, которые в конечном итоге стали насчитывать более 60 000 человек, не считая сменяющих друг друга крестьянских носильщиков. Вьетминь объявил сухой сезон с октября по апрель «наиболее благоприятным для боевых действий», а дождливые месяцы с мая по октябрь, когда передвижение было существенно затруднено, использовал для отдыха, военной подготовки, передислокации сил и планирования⁴⁷. В городах и деревнях французы столкнулись с непрерывной чередой терактов – взрывами бомб в переполненных кафе, расстрелами чиновников. Такие инциденты стали обычным делом. Как-то на приеме у мэра Хайфона гости услышали неподалеку взрывы и стрельбу⁴⁸. На мгновение они встревожились, но, когда им сообщили, что полицейские «всего лишь» застрелили вьетминевца, который бросил гранату в полицейский участок, они как ни в чем не бывало вернулись к разговорам и коктейлям. Однажды партизаны, вооруженные гранатами и старыми британскими пулеметами, ворвались во время праздничного ужина в дом французского чиновника на Мысе Сен-Жак недалеко от устья реки Сайгон⁴⁹. Они убили восьмерых мужчин, двух женщин, шестерых детей и четверых вьетнамских слуг.

⁴⁷ Rocolle Pierre, Pourquoi Dien Bien Phu? Flammarion 1968, 95.

⁴⁸ Elliott, *Sacred Willow*, 201.

⁴⁹ Luan, 116.

По всей сельской местности для защиты деревень и дорог французы создали целую сеть из почти 1000 фортов и *мирадоров* (сторожевых башен), окруженных минными полями, заграждениями из колючей проволоки и рифленого железа, бревнами, мешками с песком и рвами с заостренными бамбуковыми кольями. Однако эти укрепления были почти бесполезны против вьетминевцев, которые выкапывали мины противника для собственного пользования и без труда обходили любой военный пост. На Черной реке маломерные французские суда вступали в ожесточенные схватки с партизанами, скрывавшимися на ее берегах.

Между тем в горных районах и джунглях бойцы спецподразделения GCMA (Groupement de Commandos Mixtes Aéroportés) – Смешанной группы воздушно-десантных командос – возглавляли партизанские отряды местных племен, имевших свои причины ненавидеть коммунистов. Из-за отсутствия взлетно-посадочных полос многие командос после завершения операций не могли вернуться «на большую землю» и были вынуждены оставаться жить вместе с туземцами. Индокитайская война стала последним военным конфликтом, в котором использовались многократные и частые, примерно раз в неделю, выброски парашютистов. Но в целом это была наземная война; вертолеты играли в ней незначительную роль: даже в последние ее дни в распоряжении французских войск имелось всего 23 машины. Пехотные части с такими поэтическими кодовыми названиями, как Citron, Mandarine, Mercure, Artois, Mouette, Nice I и II (Лимон, Мандарин, Меркурий, Артуа, Чайка, Ницца I и Ницца II), бесконечно прочесывали сельскую местность. Время от времени им удавалось уничтожить нескольких вьетминевцев, однако это давалось колоссальной ценой и только усиливало ненависть со стороны крестьян.

Не имея никакого военного образования, Зяп взхлеб читал военную литературу: он был помешан на Наполеоне, Клаузевице и партизанской тактике Мао. 27 января 1947 г. его войска успешно провели первую громкую операцию, устроив засаду на автоколонну с вьетнамскими чиновниками из французской колониальной администрации, которые совершали инспекционную поездку по северным районам страны. Было уничтожено 14 автомобилей; убит министр образования и один французский инженер. Нападение впечатляло своей дерзостью и грамотной подготовкой; за ним последовало множество других. Шоссе № 5 между Ханоем и Хайфоном стало известно как «кровавая дорога». Одна из деревень на шоссе № 1 север – юг стала настолько популярным у вьетминевцев местом для засад, что французы в конце концов бульдозерами сровняли ее с землей.

Обе стороны не уступали друг другу в безжалостности. Вьетминевцы казнили деревенских старост, которые отказывались им подчиниться, перед этим подвергая их зверским пыткам и заживо хороня на глазах у сельчан. Один вьетнамец вспоминал, как однажды в его деревне вьетминевцы убили вьетнамского солдата, служившего во французской армии. Потом один из партизан пошел в соседний дом, взял там плоскогубцы и выдернул у убитого изо рта золотые зубы. «С тех пор я видел много трупов, обезглавленных, расчлененных, выпотрошенных, даже со снятым скальпом, но не было ничего более отвратительного, чем вид того партизана, который держал в руке два золотых зуба и радостно улыбался»⁵⁰. Вьетнамцы, чье общество имело давнюю традицию тайных организаций, легко приспособились к партизанской и подпольной жизни.

Французские войска получили фактически карт-бланш на использование огневой мощи и делали все что хотели. В своей книге Норман Льюис описал первый полет в Сайгон: рядом с ним в самолете компании Air France сидел полковник Иностранного легиона, который внимательно вглядывался в простиравшуюся внизу дельту Меконга. Судя по всему, эта местность была ему хорошо знакома. Когда они пролетали над скоплением хижин на высоте около 600 м, Льюису показалось, что вся деревня словно курится струйками ладана. Только спустя мгновение он осознал, что это горят дома. Внизу суетились крошечные фигурки людей. Его сосед

⁵⁰ Luan, 81.

лаконично заметил: «Операция». «Было очевидно, что всем своим существом он находился там, внизу, – писал Льюис. – От его усталости не осталось и следа. Вдохнув фимиама жертвоприношений, он словно вновь обрел силы. На наших глазах совершалось насилие, но мы, пассажиры, наблюдали за ним отстраненно, словно за событием давнего прошлого. Можно представить, как легко было французским летчикам сбрасывать бомбы на мирные деревни»⁵¹.

Жестокость французов отчасти была обусловлена их привычкой к расовому доминированию, отчасти тем фактом, что многие крестьяне, даже если не брали в руки оружие сами, знали, где скрывается враг, на каких дорогах собирается устроить засады, где разместил ловушки для неосторожных. Французы и их союзники – южные религиозные секты Каодай и Хоахао с внушительными собственными армиями – в среднем уничтожали по пять мирных жителей за каждого своего погибшего. В ноябре 1948 г. они устроили резню в деревне Мичать в центральной провинции, убив более 200 вьетнамских женщин и детей, однако этот факт не признается современными французскими историками⁵². После устроенной вьетминевцами засады, в которой погибло несколько основателей Хоахао, «люди из Хоахао хватали всех, кого подозревали в поддержке Вьетминя, связывали их веревками по несколько человек и бросали в реки»⁵³, писал историк Бернард Фолл. «Связки утопленников плыли по рекам, словно груды мусора, несомые течением и волнами».

Американский корреспондент Боб Миллер из *United Press* находился на борту французской бронированной баржи, которая вела ночное патрулирование канала, когда в свет ее прожекторов попали три сампана, нарушивших комендантский час. Два сампана проигнорировали приказ остановиться и были расстреляны из пулеметов. В третьем сампане, нагруженном мешками с рисом, сидела пожилая крестьянская пара с сыном. Французы принялись выкидывать мешки за борт, и в этот момент юноша, решив бежать, прыгнул в воду. Один солдат бросил вслед за ним гранату и убил его. Молодой французский офицер вежливо объяснил Миллеру, что «это делается только ради того, чтобы люди поняли, что нарушение правил будет караться со всей суровостью, и чтобы французы могли удержать ситуацию под контролем»⁵⁴. Удержать ситуацию под контролем? Даже в относительно спокойные 1947–1948 гг. Иностранный легион потерял две сотни убитыми из-за мин, мелких вооруженных стычек и засад.

Иностранный легион стал частью героической мифологии о войне в Индокитае. Однако другие французские военные прозвали легионеров «дорожными катками» (*genre rouleau compresseur*). Его подразделения, где служили в том числе бывшие солдаты гитлеровских СС и Вермахта, были печально известны своими грабежами и изнасилованиями и приводили в ужас мирное вьетнамское население. Зыонг Ван Май, происходившая из традиционной мандаринской семьи, вспоминала, как легионеры ворвались в их дом, вскрыли штыками сундуки и забрали все, что сочли ценным⁵⁵. Когда они с семьей переезжали с севера на юг, французские солдаты в зоне военных действий отняли у них все деньги и золото, считая это своим законным военным трофеем⁵⁶. Чернокожие колониальные войска отличались еще меньшей разборчивостью и забирали у крестьян даже скудные запасы соли и рыбного соуса ньюк-мам. Как и в Европе во время Второй мировой войны, самой дурной репутацией пользовались марокканцы. В отличие от них, вьетминевцы были знамениты не только своей беспрецедентной жестокостью, но и честностью.

⁵¹ Lewis, 18.

⁵² Goscha Christopher, *The Penguin History of Modern Vietnam*, Allen Lane 2016, 244.

⁵³ Fall Bernard, 'The Political-Religious Sects of Vietnam', *Pacific Affairs* 28, no. 3 September 1955, 246.

⁵⁴ Lewis, 177.

⁵⁵ Elliott, *Sacred Willow*, 148.

⁵⁶ Elliott, *Sacred Willow*, 152.

Книги американо-французского писателя и историка Бернарда Фолла о войне в Индокитае часто называют классикой: они сочетают проницательный анализ стратегических и оперативных трудностей ведения антиповстанческой войны с реалистичной картиной военных действий глазами очевидца. Но предвзятость автора несомненна: он вольно или невольно героизирует французскую армию, умалчивая о совершавшихся ее солдатами многочисленных зверствах, о которых Фолл, непосредственный свидетель тех событий, не мог не знать. Служившие во французских войсках вьетнамцы, казалось, подражали своим хозяевам: американец Говард Симпсон однажды наблюдал за тем, как разнузданные вьетнамские коммандос промчались на джипе по сайгонской улочке и намеренно раздавили ряды бамбуковых корзин с красным перцем, которые были выставлены на продажу⁵⁷. Когда джип уехал, две вьетнамские старухи бросились собирать остатки своего товара. Хотя это был незначительный инцидент на фоне огромной трагедии, Симпсон задавал вопрос: как он мог повлиять на умонастроения этих двух пожилых уличных торговцев?

В начале 1948 г. французы предприняли безуспешную попытку сформировать антикоммунистический политический фронт под патронажем 34-летнего Бао Дая, которого в следующем году они заставили вернуться во Вьетнам и возглавить марионеточное правительство. Однако ленивый и избалованный бывший император рассматривал это партнерство всего лишь как способ вытянуть из французского правительства побольше денег. Не имея ни морального, ни политического авторитета, он интересовался только женщинами, яхтами и охотой. Французам не оставалось ничего иного, кроме как прибегнуть к военным средствам, и в конечном итоге они перебросили в Индокитай 62 пехотных батальона, включая 13 североафриканских, 3 воздушно-десантных и 6 батальонов Иностранного легиона. Им помогали несколько сотен тысяч ополченцев сомнительной репутации и полезности, которые охраняли деревни и дороги.

Вплоть до последнего этапа войны французы не испытывали недостатка в местных добровольцах, нуждающихся в деньгах. Некоторые вьетнамцы отличились на французской службе, показав себя смелыми, опытными и преданными солдатами. Однако большинство не желали рисковать своими жизнями. Кроме того, французские военачальники сталкивались с хронической дилеммой: как сосредоточить превосходящие силы на севере, чтобы противостоять регулярной армии Зяпа, и одновременно защищать тысячи потенциальных объектов атак на остальной территории страны. Ни у французов, ни у их союзников, ни у коммунистов не было достаточно сил, чтобы взять под контроль весь Вьетнам. Кристофер Гоша писал: «В результате страна была разделена на враждующие, подобные архипелагам государства, чей суверенитет и границы то расширялись, то сужались по мере изменения локального баланса сил»⁵⁸. Некоторым историкам представляется странным, что французы, которые сами недавно пережили фашистскую оккупацию, словно бы не понимали, что своей жестокостью они только настраивают местное население против себя. Однако, по-видимому, французы вынесли из своего горького военного опыта другой урок: если на то пошло, своей жестокостью нацисты сумели запугать большую часть населения Франции и удерживать его в подчинении до середины 1944 г.

В октябре 1949 г. ситуация резко обострилась. К власти в Китае пришли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, и гигантский северный сосед, оставив в стороне свою историческую вражду с Вьетнамом, объявил о поддержке Вьетминя. Неожиданно Хо и Зяп получили доступ к безопасным убежищам и американскому оружию, захваченному у разгромленной армии Чан Кайши. В приграничных районах Китая были созданы военные учебные лагеря для вьетминьцев. В войска Зяпа были откомандированы сотни китайских военных советников. На северо-западе Вьетнама французы начали нести тревожащие потери. Они пытались удержать страну, контролируя дороги, в то время как враг скрывался в горах и джунглях. Однажды французская

⁵⁷ Simpson, Howard R., *Tiger in the Barbed Wire*, Kodansha International 1992, 92.

⁵⁸ Goscha, 242.

колонна попала в засаду на шоссе № 4, извивающемся в горах вдоль китайской границы. Из ста автомобилей почти половину уничтожили; большинство сопровождающих убили. Французы были вынуждены оставлять один район за другим.

Одна из самых необычных личных историй того времени – история Ле Зуана, ставшего впоследствии преемником Хо Ши Мина. Он родился в 1907 г. в центральном Вьетнаме и стал убежденным коммунистом еще за десять лет до того, как Хо вернулся в страну из изгнания. За свою революционную деятельность Ле два раза был приговорен к длительным тюремным срокам. В конце 1940-х гг. он стал секретарем Центрального управления Южного Вьетнама (ЦУЮВ) – военно-политического штаба Вьетминя, в ведении которого находилась южная часть страны. В отличие от других вьетминевских лидеров, у которых были свои дома, телохранители и даже повара, Ле Зуан ночевал в сампане, пришвартованном в протоке в дельте Меконга, и имел всего двух помощников. Среди его связных была красивая девушка с французским образованием по имени Нгуен Тхюи Нга. Она была влюблена в революционера из местной ячейки, но комитет партии заставил их прекратить отношения, потому что мужчина был женат⁵⁹.

Однажды в 1950 г. Ле Зуан пригласил Нга позавтракать вместе с ним. Она испытывала смесь благоговения и страха перед этим человеком, чья яростная энергия и преданность делу партии принесли ему прозвище Двести Свечей. Высокий и тощий, в напоминающей лохмотья одежде, непрерывно курящий, он, казалось, не мог думать ни о чем другом, кроме революции. К тому же он был вдвое старше Нга. Тем не менее за завтраком он объявил ей, что выбрал ее своей невестой. Она напомнила ему, что на севере у него уже есть жена и дети. В ответ Ле Зуан пожал плечами и сказал, что это был брак по договоренности и он уже 20 лет ничего не слышал о своей «жене». Свадьба Ле Зуана и Нга состоялась в лагере ЦУЮВ посреди джунглей; брак зарегистрировал близкий товарищ жениха Ле Дык Тхо. У невесты не было никакого приданого, помимо одной пары брюк. Когда они переносили лагерь на новое место, Нга часто приходилось прыгать в воду и толкать груженные сампаны по мелководью наравне с мужчинами. Они всегда были голодны; их скудный рисовый рацион дополняли только съедобные растения и плоды, которые можно было найти в джунглях.

В 1951–1952 гг. Нга работала политическим секретарем Ле Зуана и родила ему дочь Ву Ань. Судя по всему, Ле Зуан любил свою жену и однажды даже удивил ее необычным поступком. Как-то она шла через заросли слоновой травы к лагерю ЦУЮВ. Увидев Нга, Ле Зуан подбежал к ней, подхватил и радостно закружил в объятиях. Это было почти уникальным проявлением человеческой слабости в жизни этого одержимого борца революции, который станет во Вьетнаме вторым человеком после Хо.

Примерно с 1951 г. Вьетминь начал все более открыто говорить о центральной роли коммунистической идеологии, которую прежде Хо старался отодвинуть на задний план. Китайцы оказывали вьетминевцам не только военную помощь, но и снабжали советами, как построить во Вьетнаме коммунистическое общество. Одним из важнейших шагов было подавление несогласных: в первые два года после прихода к власти Мао Цзэдун уничтожил, по оценкам, 2 млн своих соотечественников. Идя по его стопам, Вьетминь запретил во многих контролируемых им районах радио, чтобы лишить крестьян доступа к информации, помимо той, что распространялась партией, и изгнал из своих рядов большинство интеллектуалов и представителей среднего класса.

На севере страны, где развернулось самое ожесточенное противостояние, мирное население страдало от обеих сторон. Нгуен Конг Луан вырос в маленькой деревушке недалеко от Ханоя, которую французы подчинили себе силой. Однако его отец был схвачен вьетминевцами,

⁵⁹ Суан Ба, серия статей и интервью со второй женой Ле Зуана, опубликована в газете *Tien Phong* от 25.06.2006 и в последующих номерах.

подвергнут пыткам и умер в одном из исправительных лагерей. А французские патрули часто задерживали его сына, и жизнь юноши не раз оказывалась под угрозой. Определение Франции своей роли в Индокитае как *mission civilisatrice* – цивилизаторской миссии – казалось издевательской шуткой. Луан писал: «Наше подчинение французским военным властям не защищало нас от грабежей, изнасилований, пыток и убийств. Любой, будь то француз, африканец или вьетнамец, мог сделать с крестьянином едва ли не все что угодно, не боясь суда или хотя бы наказания со стороны своего начальства... Обычный сержант обладал такой же властью, как наместник в Средние века... Люди обращались к ним “нгай”, что эквивалентно “вашему превосходительству”, только используется для обращения к богам и мандаринам»⁶⁰.

Привилегированное положение французских колонистов позволяло вьетминевцам использовать собственную аскетическую жизнь как мощное пропагандистское оружие. Генерал-лейтенант сэр Джеральд Темплер, верховный комиссар в британской Малайе, сумевший погасить охватившее страну восстание под руководством коммунистов, заметил с британским остроумием: «Берите пример с коммунистов. Они не ходят на скачки. Не устраивают роскошные обеды и коктейльные вечеринки. Не играют в гольф»⁶¹. Поскольку по закону Франция не могла посылать во Вьетнам призывников, большую часть рядовых в ее армии составляли наемники – уроженцы Северной и Западной Африки и вьетнамцы. Половину Иностранного легиона составляли немцы. В свободное от службы время солдаты делали все что хотели – начальство закрывало на это глаза. Алкоголизм процветал. Запах жженой карамели, желтоватый оттенок лица и вьёвшаяся маслянистая копоть на левом указательном пальце выдавали пристрастие к курению опиума, особенно среди старожил. В декабре 1950 г. новый верховный комиссар генерал Жан де Латтр де Тассиньи взялся за создание вьетнамской призывной армии. Хотя «вьетнамизация» стала ругательным словом только в 1971 г., по сути, эта политика была придумана за 20 лет до американцев де Латтром, который говорил о необходимости *jaunissement* – «окрашивания в желтый цвет» войны или по крайней мере ее трупов. Никто не воспринимал новую вьетнамскую армию как серьезную военную силу, отчасти потому, что за взятку в 50 000 пиастров можно было избежать призыва.

Что касается Зяпа, то к тому времени он развернул в Северном Вьетнаме 6 дивизий по 10 000 человек каждая, хорошо вооруженных легким оружием, хотя по-прежнему страдающих от нехватки продовольствия, одежды и военного снаряжения. В первые годы у бойцов Вьетминя не было ни водонепроницаемой одежды, ни другой защиты от непогоды. Только в 1952 г. им впервые выдали непромокаемые плащи, которые простым крестьянам казались чудом. По словам одного солдата-вьетминевца, они «удивлялись тому, что человечество изобрело бумагу, с которой стекает дождь»⁶².

Военный перевес по-прежнему оставался на стороне французов. Канонерские лодки в дельте Красной реки блокировали поставки риса коммунистическим силам на север. 25 мая 1950 г., когда вьетминевцы напали на французский лагерь в Донгкхе в нескольких километрах от китайской границы, срочно переброшенное на парашютах подкрепление заставило нападавших отступить в джунгли. Однако гарнизоны в горах на севере страны, доступные только по извилистым узким дорогам, пролежавшим через многочисленные дефиле⁶³, были чрезвычайно уязвимы, особенно когда регулярные войска Зяпа получили в свое распоряжение пушки и минометы. Французы необдуманно запустили «щупальца» вглубь кишевшего вьетминевцами «муравейника». В то время как в целом по стране они были сильнее повстанцев, на северо-западе Зяп имел численное превосходство над противником.

⁶⁰ Luan, 4, 67.

⁶¹ Cloake John, *Templer: Tiger of Malaya*, Harrap 1985, 263.

⁶² АИ с Бангом, 07.10.2016.

⁶³ В военном деле так называются узкие проходы в труднопроходимой местности, например в горах. – *Прим. пер.*

Рано утром 16 сентября пять вьетминевских батальонов при поддержке артиллерии снова атаковали французскую базу в Донгкхе. Коммунисты потратили несколько недель на тщательное планирование и подготовку, что было отличительным признаком всех их важных операций. В начале сражения в штаб Зяпа поступали тревожные сообщения: один из полков сбился с пути, не успел занять исходные позиции, и вьетминевцы несут тяжелые потери. Но Хо Ши Мин, который прошел пешком несколько километров, чтобы лично присутствовать при операции, призвал к спокойствию и стойкости. Спустя 52 часа ожесточенного сражения, в 10 часов утра 18 сентября, гарнизон Донгкхе пал. Незадолго до этого одному офицеру и 32 бойцам Иностранного легиона удалось ускользнуть в джунгли и после недели тяжких скитаний добраться до расположения французских войск.

После этой победы ничто не могло остановить триумфальный марш Зяпа по приграничному региону. Французское командование само приняло решение оставить гарнизон в Каобанге, в 32 км к северу от Донгкхе. 3 октября командир гарнизона подполковник Пьер Шартон, заядлый сквернослов и всеобщий любимец, ехал впереди колонны грузовых автомобилей, которые везли 2600 солдат-марокканцев и 500 гражданских лиц, включая персонал передвижного борделя. В хвосте колонны ехала артиллерия и тяжелая техника. Шартон проигнорировал приказ бросить все имущество в гарнизоне: он решил отступить с достоинством и честью – упрямым, которое обошлось в сотни человеческих жизней. В дефиле в 15 км к югу от Каобанга они наткнулись на череду взорванных мостов. Его растянувшийся караван был вынужден остановиться, после чего из заросших густой растительностью горных склонов невидимый противник принялся поливать их огнем.

Положение, в которое попал Шартон со своей колонной, было лишь началом этой трагической истории. Чтобы обеспечить безопасный переход колонны из Каобанга, навстречу ей была направлена оперативная группа «Байяр», состоявшая из 3500 солдат, в основном марокканцев, и усиленная элитным десантным батальоном. Группа «Байяр» выдвинулась из Тхатхе 30 сентября под командованием полковника Марселя Лепаж. На подходе к Донгкхе они были остановлены вьетминевцами, открывшими по колонне интенсивный пулеметный и минометный огонь. Штаб приказал Лепажу принять экстренные меры: сжечь весь транспорт, бросить орудия, отступить в джунгли, обойти позиции вьетминевцев и двигаться на север, чтобы соединиться с Шартоном. То, что произошло дальше, было настоящим кошмаром. Выполняя этот безумный приказ, Лепаж уводил своих людей все глубже в горы, в логово врага, на встречу другой обреченной группе.

Вскоре его солдаты начали исчезать один за другим. Если человек отставал от колонны, его никогда больше не видели. Раненые были обречены на смерть. Каждый подъем и спуск был тяжким испытанием для грузенной пехоты, насквозь промокшей от непрерывного дождя, который, кроме того, лишал их поддержки с воздуха. Вьетминевцы тоже устали от многодневной погони, но предвкушение близкой победы вливало в них силы: они знали, что положение французов безвыходно. 6 октября в приказе по войскам Зяп с ликованием объявил: «Враг голодает и мерзнет больше, чем вы!» Шартон и Лепаж встретились на следующий день; их отряды понесли огромные потери и страдали от нехватки воды, продовольствия и боеприпасов. Вьетминевцы ударили снова – 15 батальонов обрушили огонь на обессиленного врага. Марокканцев охватила паника. Их командиры приказали распределиться по местности мелкими группами, что было больше похоже на команду «Спасайся, кто может!». Шартон был ранен и взят в плен; большинство раздробленных групп были уничтожены вьетминевцами. В конечном итоге всего 600 человек добрались до расположения французских войск на юге; почти 4800 человек были признаны погибшими или пропавшими без вести; материальные потери были огромны: 450 грузовиков, 8000 винтовок, 950 автоматов и 100 минометов. Зяп отпраздновал эту победу, напившись вместе со своими китайскими советниками, – как он утверждал, впервые в жизни.

18 октября французы были вынуждены оставить еще один лагерь на севере в Лангшоне, где в руки коммунистов попало огромное количество боеприпасов. Эти победы доставались Вьетминю дорогой ценой: по подсчетам, только в этом сражении он потерял около 9000 человек. Однако, если новости о поражении французов быстро разлетались по всему миру, коммунисты жестко подавляли распространение любой информации, которая могла запятнать их победы и деморализовать сторонников. Ни у одной из сторон не было решительного превосходства над другой: в первые месяцы 1951 г. армия Зяпа потерпела сокрушительные поражения в серии крупномасштабных операций. В январе, когда вьетминевцы атаковали базу в 50 км к северо-западу от Ханоя, французы задействовали авиацию, сбросившую бомбы с напалмом, и отбили атаку; коммунисты потеряли 6000 человек погибшими и 8000 ранеными. Урок для главнокомандующего Вьетминя состоял в том, что его армия вовсе не была непобедима, особенно когда пыталась воевать в зоне досягаемости французской авиации и артиллерии.

Любой западный генерал после той череды поражений, которую потерпел Зяп зимой – весной 1951 г., да еще с такими чудовищными потерями, вызвал бы взрыв негодования политиков, общественности и СМИ и почти наверняка был бы отправлен в отставку. Однако Политбюро Вьетминя не подвергалось общественному контролю. Все ключевые решения принимались единолично Хо Ши Мином, а тот продолжал верить в своего боевого генерала. Зяпа, как и маршала Жукова во время Второй мировой войны, никогда не привлекали к ответу за шокирующие «счета от мясников», которыми приходилось расплачиваться за победы. Это давало Зяпу важное преимущество над французскими военачальниками, чьи сограждане в метрополии ежедневно читали в газетах о страданиях их армии в Индокитае.

Вашингтон оплачивает счета

Пожалуй, самые известные строки в романе Грэма Грина «Тихий американец», действие которого происходит в Сайгоне в период Первой Индокитайской войны, – это слова, сказанные циничным британским журналистом Томасом Фаулером о «тихом американце», агенте ЦРУ Олдене Пайле: «Я никогда не встречал человека, который мог бы лучше обосновать, почему он причиняет другим неприятности... Он был покрыт непроницаемой броней благих намерений и невежества»⁶⁴. Когда французы столкнулись с непосильными военными расходами, они обратились за помощью к американцам. И начиная с 1950 г. те взяли на себя оплату растущих счетов. В далеком Вашингтоне политиков все больше тревожила перспектива того, что вслед за Китаем коммунистическая волна может захлестнуть всю Юго-Восточную Азию. Кроме того, США искали рычаги давления на Францию, которая категорически выступала против повторного вооружения Германии. Отныне пули и бомбы, которые обрушивались на коммунистов на полях сражений во Вьетнаме, оплачивались долларами, а не франками.

Американская щедрость была вызвана реальностью коммунистической угрозы для стабильности и демократии во многих странах, в том числе Греции, Италии, Франции и Турции. Джордж Кеннан, глава отдела по планированию внешней политики Госдепартамента США и автор знаменитой «Длинной телеграммы», отправленной в 1946 г. из американского посольства в Москве, охарактеризовал политику СССР как «текущий поток», который стремится «заполнить все уголки и впадины в бассейне мировой власти». Сталин и впоследствии Мао поддерживали революционные движения повсюду, где те казались жизнеспособными. 12 марта 1947 г. президент США выступил перед конгрессом с посланием, которое стало известно как доктрина Трумэна: «В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбирать между альтернативными образами жизни. Этот выбор слишком часто является далеко не свободным... Я убежден, что Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению».

Но, хотя готовность Запада противостоять международной коммунистической угрозе, безусловно, заслуживает восхищения, не стоит забывать и о том, что в этой борьбе США и их союзники не чурались никаких, в том числе весьма сомнительных средств. На протяжении двух поколений Вашингтон закрывал глаза на фашистский режим генерала Франсиско Франко в Испании и поддерживал диктатуры в Южной и Центральной Америке, чьим единственным достоинством был яркий антикоммунизм. В Южной Африке британцы и американцы еще несколько десятилетий помогали оставаться у власти белому меньшинству, позволяя ему доминировать над «низшей расой». А в Индокитае французы убедили богатые Соединенные Штаты в том, что колониализм и антикоммунизм идут рука об руку. После того как коммунисты во главе с Мао Цзэдуном подняли над Китаем красный флаг, консервативные американцы, потрясенные «потерей» своей любимой азиатской страны, потребовали от правительства жестких мер, чтобы предотвратить повторение подобного сценария в других частях мира. Генри Люс, владелец журналов *Time* и *Life* и страстный приверженец «прежнего Китая», бросил всю мощь своей медиа-империи на борьбу с коммунистами во Вьетнаме, поддерживая ее на протяжении двух десятилетий.

Советско-китайский договор о дружбе, подписанный в феврале 1950 г., создавал реальную угрозу появления на карте мира «Красной Азии». Американский консервативный журналист и историк Майкл Линд в своем ревизионистском исследовании Вьетнамской войны писал: «Вечером 14 февраля 1950 г. в банкетном зале Кремля собрались три человека – Сталин, Мао Цзэдун и Хо Ши Мин. Они обсуждали планы, которым суждено было обречь Индокитай на

⁶⁴ Грэм Грин, Тихий американец.

полувековую войну, тиранию и экономическую стагнацию и спровоцировать серьезные политические потрясения в США и Европе. Это был международный коммунистический заговор, и Хо Ши Мин был одной из его ключевых фигур»⁶⁵. Неожданное июньское вторжение Ким Ир Сена в Южную Корею привело и без того напуганный Запад в панику. США и союзники поспешно отправили на Корейский полуостров свои войска, где те с переменным успехом вели трехлетнюю войну, в значительной степени против китайцев. Таким образом, корейский опыт стал еще одним ключевым фактором, подтолкнувшим американцев поддержать французскую колониальную войну в Индокитае, хотя и не оправдывал в полной мере этой политики.

Госсекретарь США Дин Ачесон и его заместитель Дин Раск хорошо помнили, к каким катастрофическим последствиям привела политика умиротворения фашистских диктаторов в 1930-х гг. Кроме того, демократическая администрация столкнулась с растущим давлением со стороны конгресса, требовавшим дать жесткий отпор «оси Москва – Пекин». Как впоследствии заметил сенатор Уильям Фулбрайт, политические решения США того времени следует оценивать в свете безудержного советского экспансионизма: «Мы находились в противостоянии с русскими – противостоянии не на жизнь, а на смерть – и считали своим долгом помешать реализации их планов где бы то ни было»⁶⁶. Развязанная маккартистами охота на ведьм привела к тому, что из Госдепартамента были изгнаны все дипломатические сотрудники, подозревавшиеся в сочувствии левым взглядам, среди которых было много специалистов по Азии. В результате внешнеполитическое ведомство США зачастую шокировало своим невежеством, особенно во вьетнамской политике.

Однако не все в «Туманной низине»⁶⁷ поддерживали подобный альянс американской демократии с французским колониализмом. В начале 1950 г. Рэймонд Фосдик прозорливо предостерег против повторения ошибки, совершенной Соединенными Штатами в Китае, где они стали «союзниками реакционных сил». Какие бы ретроградные иллюзии ни питал Париж, писал Фосдик, независимость Индокитаея – неизбежность: «Воздушный змей их иллюзорных заблуждений скоро рухнет, так зачем нам привязывать себя к его хвосту?»⁶⁸ Французы проигрывали войну вовсе не потому, что им не хватало войск и оружия, а потому, что они не предложили вьетнамцам никаких преимуществ демократии и цивилизации, которые убедили бы тех смириться с их присутствием.

В следующем году молодой конгрессмен от Массачусетса посетил Сайгон и написал в своем дневнике: «В сознании [вьетнамских] людей мы все больше превращаемся в колонизаторов. Они убеждены, что мы контролируем ООН и неисчерпаемо богаты, а потому проклинают нас за то, что мы не оказываем им поддержки в реализации национальных чаяний». Эти слова принадлежали Джону Кеннеди, но американцы не были настроены внимать его мудрости. В старости Джордж Кеннан сетовал на то, что Вашингтон извратил его теорию сдерживания в отношении СССР и затем Китая, чтобы оправдать применение почти исключительно военных средств, в то время как гораздо уместнее и эффективнее было бы действовать на политическом, культурном, экономическом и дипломатическом фронте.

Зимой 1950 г., когда вооруженные силы ООН на Корейском полуострове оказались под угрозой сокрушительного разгрома, Вашингтон одобрил крупномасштабное расширение помощи Индокитаю. По мере того как желание Франции воевать заметно слабело, вмешательство США, напротив, росло: вскоре колониальная война почти полностью финансировалась из американского кармана. Трумэн и Ачесон решительно настаивали на том, чтобы Париж не вел с Вьетмином никаких переговоров. Это была первая фундаментальная ошибка Вашингтона в

⁶⁵ Lind Michael, *Vietnam: The Necessary War*, Free Press 1999, 1.

⁶⁶ Charlton & Moncrieff, 50.

⁶⁷ Прозвище Госдепартамента по названию района Фогги-Боттом, где расположено его здание. – *Прим. пер.*

⁶⁸ Karnow, 178.

Индокитае, которая продолжала довлеть над его политикой в последующие годы. Американская военная помощь достигла астрономических по тем временам \$150 млн, которые были выделены почти без всяких условий: гордые французы отказались вводить спонсора в курс своих оперативных планов. К началу 1951 г. они получали более 7200 тонн военных поставок в месяц. Колониальные войска вели войну с американским оружием в руках, в американских касках, на американских джипах, грузовиках и самолетах. Неудивительно, что, когда десятилетие спустя во Вьетнам прибыли американские солдаты, в глазах старшего поколения вьетнамцев и их детей они мало чем отличались от прежних поработителей.

К сентябрю 1951 г. объективным наблюдателям стало ясно, что у французов не было реальных перспектив удержать Индокитай. Однако верховный комиссар генерал де Латтр де Тассиньи лично отправился в Вашингтон и, задействовав свой дар убеждения, добился того, чтобы в течение следующих четырех месяцев американцы поставили его войскам 130 000 тонн военного снаряжения, в том числе 53 млн патронов, 14 000 автоматов, 3500 радиостанций, 8000 грузовиков и джипов, 650 единиц военной техники и 200 самолетов. Это был последний важный вклад де Латтра в Индокитайскую войну, после чего он покинул страну и вскоре скончался от рака.

К концу 1953 г. новая республиканская администрация Эйзенхауэра оплачивала 80 % всех военных расходов – около \$1 млрд в год. Британцы, все еще ключевые союзники американцев и все более опытные эксперты по вопросу ухода из колоний, предостерегали США от такой политики, будучи уверены, что никакое количество оружия не поможет предотвратить скорое изгнание французов из Индокитая. Правительство Уинстона Черчилля было встревожено новой одержимостью Вашингтона. В августе 1953 г. британский министр иностранных дел Селвин Ллойд писал: «В настоящее время эмоциональное отношение Соединенных Штатов к коммунистическому Китаю и – в меньшей степени – России граничит с истерией»⁶⁹. И Вьетминь в глазах американцев был важным орудием в игре этих «сатанинских сил».

⁶⁹ UKNA FO371/103518, 23.08.1953.

Крестьяне

Незначительное меньшинство вьетнамцев, достаточно образованных для того, чтобы видеть ситуацию за пределами своих деревень, и являвшихся свидетелями зверств Вьетминя, приветствовали возможное американское вмешательство. Один школьник с севера страны вспоминал: «Из прочитанных мною книг я сделал вывод, что американцы по крайней мере должны быть лучше французов... Я понимал, что США не будут помогать своим союзникам безвозмездно, у них должен быть какой-то интерес... Но американцы щедро помогали другим бедным странам»⁷⁰. Тем не менее легко понять, почему гораздо больше вьетнамцев считали иначе и поддерживали революционное движение, которое обещало устранение не только репрессивного колониального режима, но и вместе с ним – класса крупных землевладельцев, безжалостно эксплуатировавшего крестьянство на протяжении нескольких поколений.

В сельском Вьетнаме царила страшная бедность. Человек с начальным школьным образованием считался «интеллектуалом». В некоторых семьях имелась всего одна пара брюк, которую муж и жена носили по очереди. Большая часть ежедневного труда крестьян состояла в том, чтобы носить воду на горные склоны для орошения рисовых полей. Когда летняя жара становилась невыносимой, они часто работали при свете луны, помогая себе песнями. Рис требовалось один раз удобрить, три-четыре раза прополоть, дважды в год собрать урожай и посеять снова. Весенний урожай был более обильным, чем осенний, благодаря сезону дождей, и составлял три четверти годового урожая. Чтобы пополнить свои скудные доходы, крестьяне собирали в джунглях дрова на продажу. Некоторые в поисках работы перебирались в города. Те, кто был обременен огромными долгами, нанимались чернорабочими на поля.

Семья и деревня были доминирующими социальными институтами. Рядом почти с каждым домом стоял деревянный алтарь с фруктами и сладостями для богов: чем богаче семья, тем изобильнее алтарь. Семьи были многодетными; как правило, среди детей существовала иерархия: родители открыто отдавали предпочтение более способным и трудолюбивым. Слово отца было законом, хотя реальная власть в семье принадлежала матери. Среди крестьян ходила поговорка: «Не будь отца – на столе все равно будут рис и рыба; не будь матери – на столе будут опавшие листья»⁷¹. За пределами семьи крестьяне жили по принципу «король правит, но законы деревни важнее». В большинстве католических общин была своя церковь с колокольней, в буддистских – храм в окружении рощи магнолий. В некоторых деревнях имелось помещение для общинных собраний, которое называлось *динь*, а также столярная и швейная мастерская.

В небольших деревнях крестьяне зачастую жили и трудились как одна большая семья. На Новый год они собирались вместе, чтобы приготовить рисовые пироги в бамбуковых листьях, которые пеклись всю ночь, и пожелать долгих лет жизни, здоровья и достатка своим родителям: как и большинство азиатов, вьетнамцы считали, что с каждым годом старикам даруется все большая мудрость. Когда в деревне забивали свинью, ее мочевой пузырь часто отдавали детям для игры. Деревенские дети также играли в прятки и в «попади палкой», а также любили стрелять из «джутовых ружей», сделанных из бамбуковых стволов, – наподобие стреляющих горохом духовых ружей, в которые играли дети в западных странах. Во время праздников они могли полакомиться сладостями, вареньем, арахисом, птичьими яйцами и обжаренной в карамели тыквой. Но в остальное время они питались только рисом и овощами – и были рады и этому.

⁷⁰ Luan, 114.

⁷¹ Luan, 114.

Впоследствии некоторые вьетнамцы идеализировали простоту крестьянской жизни в довоенный период. Одна вьетнамка вспоминала: «Все знали друг друга; двери домов никогда не закрывались на замок»⁷². Она лирически размышляла о «красоте единения», возможности вместе делить радости и горести. Однако такая ностальгия была редкостью среди подавляющего большинства крестьян, которые хорошо помнили о тяготах, угнетении и почти хроническом голоде. Нгуен Тхи Тхань Бинь родилась в 1948 г. к востоку от Ханоя в бедной крестьянской семье, где, помимо нее, было еще пятеро детей. Семья жила в соломенной хижине и кормилась с крошечного рисового поля размером около трех соток. В деревне на 30 домов не было ни одного радио и велосипеда. Всего несколько человек умели читать: когда в деревню случайно попадала газета, все жители собирались под деревом, а грамотный односельчанин забирался на ветку и вслух читал интересные новости.

В крестьянских семьях не было фотографий родителей и детей, потому что фотоаппарат был недоступной роскошью. Традиционной одеждой была «пижама» *ба ба* – коричневая на севере, черная на юге, – которая, что вполне естественно, стала типичной униформой партизан. Младенческая смертность была шокирующей, отчасти потому, что пуповину было принято перерезать осколком битого стекла. Крестьянам часто приходилось покидать свои деревни из-за наводнений или голода. У Бинь не осталось воспоминаний о счастливом детстве: их жизнь была непрерывной борьбой за выживание; часто родители отправляли детей собирать улиток, чтобы дополнить скудный рацион⁷³. В 20 лет она вступила в Коммунистическую партию, членом которой оставалась всю жизнь, и относилась к Хо Ши Мину почти с религиозным пылом как к «незаменимому, не имеющему себе равных вождю».

Хотя партизанские отряды в юго-западных провинциях не могли добиться таких впечатляющих военных успехов, как регулярные формирования Зяпа на Севере, обещанное Вьетмином перераспределение земли обеспечило ему широчайшую поддержку населения. Даже более или менее зажиточные фермеры-арендаторы мечтали о собственности на землю: многие безнадежно сидели на крючке у кредиторов, которые отбирали у них до половины выращенного урожая. Иногда должники становились рабами и выполняли все прихоти своего землевладельца, например качали его гамак⁷⁴. Все эти люди страстно поддерживали земельную реформу Вьетминя. Один из них сказал Норману Льюису в 1950 г.: «Наши враги медленно, но верно толкают нас к коммунизму. Нам придется стать коммунистами, потому что коммунизм – единственный для нас способ обрести свободу»⁷⁵.

Один историк описывал солдат Зяпа как «простых людей, чье мировоззрение было сформировано исключительно их непосредственным опытом и опытом их семей... которым на протяжении поколений приходилось терпеть угнетение и тяжелейшие условия жизни»⁷⁶. Бойцы Вьетминя отличались высокой дисциплинированностью, выносливостью, находчивостью, уникальной полевой выучкой и искусством камуфляжа, готовностью к трудностям и самопожертвованию. Их моральный дух был невероятно высок: ими двигало пламенное желание изменить политический, экономический и социальный порядок в своей стране. Коммунисты активно работали с сельским населением, не только занимаясь политической пропагандой, но и обучая крестьян грамоте. Они сочиняли песни, чтобы помочь людям выучить алфавит, и создавали специальные программы для детей, где обучение велось в игровой форме. Впрочем, эти достойные похвалы усилия не обходились без принуждения: коммунисты заставляли крестьян вывешивать украшенные цветами плакаты с надписью «Да здравствуют борцы с неграмотно-

⁷² АИ с Ву Ань Ча, 08.10.2016.

⁷³ АИ с Бинь, 05.10.2016.

⁷⁴ Elliott, *Mekong Delta*, Vol. I, 123.

⁷⁵ Lewis, 309.

⁷⁶ Windrow Martin, *The Last Valley*, Weidenfeld & Nicolson 2004, 161.

стью!»; а в некоторых деревнях неграмотных людей подвергали неоправданному унижению, заставляя их ползать по грязи. Впрочем, так было всегда и везде, где людям навязывалась коммунистическая доктрина: любые жертвы и жестокость оправдывались благом Народа.

Что касается более суровых наказаний, то даже официальная партийная история впоследствии признала, что в те годы «погибло немало невинных людей»⁷⁷. Простые люди, служившие в рядах Вьетминя, считали любого человека в белой рубашке и синих брюках французским шпионом. На сленге вьетнамских коммунистов «отправить искать креветок» означало убийство (итальянские мафиози использовали похожий водный эвфемизм – «отправить спать с рыбами»). Убийства совершались с максимальной жестокостью и публичностью: вьетминевские эскадроны смерти предпочитали хоронить жертв живыми или потрошить их на глазах односельчан. Партийный лозунг гласил: «Лучше убить невинного, чем упустить виновного». В «освобожденных зонах» вьетминевцы создавали печально известные исправительные лагеря. Когда отец Нгуен Конг Луан умер в одном из таких лагерей, зажигалка была единственным имуществом, которое охранники неохотно вернули его вдове⁷⁸.

В 1947 г. Вьетминь провел кампанию идеологической «чистки», в ходе которой было убито большое количество «классовых врагов», хотя точная цифра никогда не называлась. Любой землевладелец и правительственный чиновник жил под угрозой вынесения смертного приговора, который распространялся и на его семью. Католическая религия ассоциировалась с иностранными поработителями, поэтому ее последователи также были уязвимы. Так называемые обличительные заседания – *дау-то* – народных судов вселяли в людей ужас. Обычно они проводились под председательством коммунистов во дворах пагод или домов крупных землевладельцев. Преследуемые жаждой мести крестьяне и мелкие фермеры нередко обвиняли землевладельцев в выдуманных преступлениях. Если выносился смертный приговор, жертву могли на месте расстрелять, забросать камнями, повесить или подвергнуть более мучительной смерти. В деревне Метхань в дельте Меконга приговоренный к погребению заживо чиновник из секты Каодай умолял застрелить его. Но его палачи презрительно заявили, что им нужно беречь пули для «пиратов», т. е. французов⁷⁹.

Нгуен Тхи Тхань Бинь вспоминала, как местные землевладельцы пытались спрятаться от своих обвинителей: одни ныряли под воду в ближайшем пруду, прикрыв голову сухим тростником; другие использовали более примитивную маскировку. Многим не удавалось скрыться, и Бинь, стоя в толпе своих односельчан, наблюдала за судом над ними. Даже будучи преданной коммунисткой, позже она признала, что «многие из этих людей были обвинены ошибочно»⁸⁰. В северных провинциях «народный суд» часто обставлялся как театрализованное действо: ночью, на большой площади, в окружении бамбуковых факелов. Помимо президиума из семи судей, бедных крестьян, в судебном заседании участвовали представители Вьетминя и иногда китайские советники. На сцене висели портреты Хо, Мао и Сталина, а также плакаты с лозунгами наподобие «Долой землевладельцев – реакционеров и предателей!».

Что касается расправ без суда и следствия, то один крестьянин сохранил неизгладимые воспоминания из своего детства. В 1952 г., когда ему было 12 лет, вьетминевцы схватили и обезглавили за его домом двух безоружных солдат, которые находились на французской службе и приехали к друзьям на Новый год. «Этот звук, когда им перерезали горло, до сих пор стоит у меня в ушах». Когда партизаны покинули деревню, в нее пришли французские войска. Они обвинили сельчан в ответственности за гибель солдат и сожгли все дома. В 1953 г. сам он был схвачен вьетминевцами и приговорен к двум неделям в перевоспитательном лагере, где

⁷⁷ Elliott, *Mekong Delta*, Vol. I, 92.

⁷⁸ Luan, 94.

⁷⁹ Elliott, *Mekong Delta*, Vol. I, 83.

⁸⁰ АИ с Бинь, 05.10.2016.

его заставили заниматься самоизобличением: «Я должен был написать все, что я делал неправильно, все, что мои родители, бабушки и дедушки делали неправильно. Каждый должен был как следует подумать и написать». Когда умер Сталин, всех заключенных заставили надеть черные траурные ленты. Вскоре после этого французские войска выбили партизан из этого района и освободили мальчика. Он и его семья ненадолго вернулись в родную деревню, после чего перебрались в Ханой.

Постоянный переход территорий из рук в руки усугублял и без того тяжелое положение мирного населения. Один крестьянин из дельты Меконга не скрывал своей радости из-за отступления Вьетминя, поскольку с приходом французов была снята экономическая блокада, и он мог свободно продать свой урожай: «Люди были счастливы... Я сам не раз говорил: скорее бы кто-то из них победил – неважно кто. Жить то под одними, то под другими невыносимо»⁸¹. Ань, дочь зажиточного землевладельца, присоединилась к Вьетминю, чтобы освободить свою страну от французских колониалистов; она вышла замуж за своего соратника, родила сына и некоторое время воевала в партизанском отряде в дельте Меконга⁸². Но в 1952 г. она решила уйти из Вьетминя: «Я видела слишком много ужасов. Коммунисты старались захватить всю власть в свои руки и расправлялись с националистами». Ее оставили в живых только потому, что она была слишком молода, чтобы представлять угрозу.

Спустя годы вьетминевцы с северных «освобожденных территорий» вспоминали этот период войны как счастливое время, аналогично тому как некоторые британцы испытывали ностальгию по легендарному «блиц-духу» 1940 г.⁸³ Ван Ки, ставший странствующим партизанским менестрелем, с восторгом вспоминал: «Дух был изумителен! Мы все считали себя членами одной большой семьи»⁸⁴. Повсюду были организованы добровольческие столовые, известные как «рестораны солдатских матерей», где местные женщины бесплатно готовили еду для бойцов. Ки и его трио проходили пешком сотни километров и давали сотни концертов: «Это было удивительное и захватывающее время. Несмотря на то что мы находились в зоне военных действий, где шли ожесточенные бои, каждый вечер мы устраивали концерты, на которые собирались толпы людей. Песни, которые я пел, были не очень хороши, наша группа играла вразнобой, но мы рассказывали людям истории, читали стихи»⁸⁵. Огни вокруг сцены часто приходилось маскировать, чтобы не привлекать внимание французов. Ки дошел до старой столицы Хюэ на юге, где спал на берегу Ароматной реки⁸⁶, ел еду, которую ему приносили из города, курил сигареты Philip Morris и ненадолго влюбился в свою фанатку.

Ки уговорил своего товарища по имени Хайчау, который знал английский язык, вслух читать *Reader's Digest* для других членов группы, чтобы «мы могли начать готовиться к послевоенной жизни». Они учили все английские фразы подряд, даже такие странные, как «У меня для тебя в кармане сюрприз!». Иногда во время своих странствий они просыпались от громкого крика «*Тай кан!*» – «Французская облага!». Когда французы приближались, вьетминевские бойцы спокойно говорили: «Буйвол идет». Хайчау написал песню с таким названием, которая высмеивала оккупантов, и та стала хитом среди солдат. Ки стал одним из многих революционеров, воодушевленных романтикой общей борьбы за свободу. Эта борьба подарила вьетнамцам то, в чем французы отказывали им на протяжении столетия: чувство собственного достоинства. С каждым месяцем и с каждым годом миллионы вьетнамцев укреплялись в вере

⁸¹ Elliott, *Mekong Delta*, Vol. I, 144.

⁸² Santoli Al, *To Bear Any Burden: The Vietnamese War and its Aftermath*, Sphere 1986, 35.

⁸³ Англ. blitz spirit можно перевести как «стойкость духа во время блица»; «Блиц» – бомбардировка Великобритании нацистской Германией в период с сентября 1940 г. по май 1941 г., которая началась с бомбардировки Лондона в течение 57 ночей подряд. – Прим. пер.

⁸⁴ МП интервью с Ван Ки.

⁸⁵ МП интервью с Ван Ки.

⁸⁶ Река Хюнг. – Прим. пер.

в то, что коммунисты одержат победу, и оказывали им всяческую поддержку. Одна вьетнамка вспоминает, как маленькой девочкой она вместе с матерью и сестрами сидела до поздней ночи в своей хижине в деревне под Хюэ и делала флаги Вьетминя: «Красный с желтой звездой... мы знали, что они пригодятся людям, когда придет время праздновать победу»⁸⁷.

Тем не менее война вовсе не была той романтической идиллией, какой рисовал ее Ван Ки: принесенные ею лишения и жертвы были ужасающими. Росла напряженность внутри национально-освободительного движения между его сторонниками из числа крестьян и буржуазии. Нгуен Дык Хюи, родившийся в 1931 г. в бедной фермерской семье, был отправлен учиться в новую военную академию Вьетминя в Китае, где, по его словам, атмосфера была отравлена непримиримой классовой враждой и бесконечными изобличительными собраниями. Один курсант, награжденный за храбрость на поле боя, покончил с собой, не выдержав давления на так называемом идеологическом допросе. Самого Хюи обвинили сначала в шпионаже в пользу французов, затем в организации банды националистов и в конце концов бросили на семь месяцев в подземную тюрьму. Он заметил в своих мемуарах: «Несправедливость этого не поддается описанию»⁸⁸. Что самое удивительное, после такого опыта он не потерял веру в партию, а партия не потеряла веру в него: он был назначен командиром роты и воевал с французами, а затем командовал батальоном в войне против американцев.

В первые годы после присоединения к Вьетминю Нгуен Тхи Нгок Тоан подвергалась преследованиям из-за своего происхождения. Ее отец был членом королевской семьи и служил в правительстве императора. В армии Зяпа ее поначалу пренебрежительно называли «солдатом-малышом». Даже когда бойцы Вьетминя убедились в ее преданности общему делу, они продолжали насмешливо говорить: «Что здесь делает эта девчонка? Она ходила во французскую школу. Как может дочь мандарина воевать в Соппротивлении?» Впоследствии Тоан рассказывала: «Такое отношение делало меня очень несчастной»⁸⁹. Тем не менее она осталась в рядах Вьетминя, чего нельзя сказать о 16-летнем Нгуен Као Ки, выходеце из буржуазной семьи, чей энтузиазм к движению Соппротивления угас: «Их целью было не просто выдворить иностранцев из страны. Они хотели взять власть в свои руки, навязать свою волю, отомстить»⁹⁰. В конце концов Ки записался во французскую армию и стал военным летчиком.

Несмотря на большие потери в вооруженных столкновениях вокруг Ханоя, Вьетминь продолжал расширять свои северные «освобожденные зоны». К 1952 г. Вьетминь контролировал примерно четверть населения на юге, три четверти в центральном Вьетнаме и более половины на севере. Французы впустую тратили огромные ресурсы на строительство оборонительных укреплений. Для защиты дельты Красной реки была возведена так называемая Линия де Латтра: французы залили 39 млн кубометров бетона, чтобы построить цепь из 2200 укрепленных опорных пунктов, каждому из которых был присвоен номер с буквами «РК» (*poste kilométrique*) – километровый пост. Это было на руку вьетминевцам с их стратегией «обкусывания» – постепенного уничтожения – французских сил. Они нападали на изолированные форты по одному за раз, всегда в темноте. Как правило, штурм начинался с взрыва шестового заряда, который проделывал проход в периметре из колючей проволоки. Затем раздавались крики «*Тиен лен!*» – «Вперед!» – и вьетминевская пехота бросалась в атаку. К рассвету вьетминевцы исчезали, оставляя после себя только трупы, зачастую изуродованные, и бетонные развалины со следами от взрывов мин и снарядов. Утром в Ханое и Хайфоне французские офицеры вполголоса передавали друг другу новости: «Слышали, что случилось на РК141 прошлой ночью?»

⁸⁷ Trullinger, 43.

⁸⁸ Nguyen Duc Huy, *A Soldier's Life* (with Nguyen Thong Nhat), People's Army Publishing House Hanoi 2011, 35.

⁸⁹ Из интервью для проекта «Устная история», 2007 г.

⁹⁰ Ку, 19.

В Индокитае воевало много выдающихся французских военных, таких как 51-летний полковник Поль Ванугзем, опытный офицер и интеллектуал, начавший свою карьеру как профессор философии; майор Марсель Бижар, который начал Вторую мировую войну в ранге сержанта и в 1944 г. высадился с парашютным десантом в оккупированной Франции; полковник Кристиан де Кастри, кавалерист и денди, который нигде не появлялся без своего шелкового платка и дорожил репутацией донжуана. Воевали там и знаменитые женщины, такие как Валери Андре, ветеран французского Сопротивления, врач и пилот вертолета, и награжденная высокими наградами медсестра воздушного госпиталя Поль Дюпон Дизињи.

Осенью 1952 г. Зяп сосредоточил три дивизии на восточном берегу Красной реки, поставив перед ними задачу захватить стратегически важный опорный пункт на хребте Нгиало. Благодаря ночным марш-броскам и блестящей маскировке днем – солдаты передвигались «муравьиной цепочкой» так, чтобы каждый видел рюкзак впереди идущего, – они сумели осуществить переброску сил незаметно для французов. Операция началась 17 октября. В результате серии успешных атак вьетминевцы захватили несколько французских постов. Десантный батальон Марселя Бижара прикрывал отступление уцелевших подразделений в сторону Черной реки. Преследуемые вьетминевцами по пятам, они были вынуждены бросать своих раненых; впоследствии местные жители рассказывали кошмарные легенды о том, что путь отступления Бижара был уставлен кольями с отрубленными головами французских солдат. Когда майор и его оставшиеся в живых люди вышли в распоряжение французских войск, их встретили как героев; тем не менее отступление из Нгиало стало для французов значимым поражением.

В апреле 1953 г. коммунисты открыли новый фронт в Лаосе, чтобы заставить французов рассредоточить силы. К июню военные поставки из Китая выросли с 250 тонн в месяц в предыдущем году до 2000 тонн, включая советские грузовики и бульдозеры. Между тем французские войска испытывали острую нехватку офицеров и сержантов, большая часть рядового состава из числа североафриканцев была плохо обучена, а 110 000 призывников Национальной вьетнамской армии вызывали мало доверия. Летом 1953 г., вскоре после того как главным командующим французскими силами в Индокитае был назначен генерал Анри Наварр, Сайгон посетил генерал О'Дэниел по прозвищу Железный Майк, командующий силами США в Тихоокеанском регионе. С характерной для американцев самоуверенностью он посоветовал французам ужесточить хватку – перейти к более агрессивным военным действиям. Как показал опыт Корейской войны, при столкновении американских войск с легко вооруженными китайскими частями на открытой местности последние нередко брали верх. Но, когда американцам удавалось заманить противника на заранее подготовленное поле боя, где у них имелись хорошо укрепленные позиции с надежным прикрытием авиацией и артиллерией, они были практически неуязвимы. Почему бы французам не использовать ту же тактику? Наварр согласился. Он решил найти такое место для сражения, где французы смогут использовать все свои преимущества и нанести сокрушительное поражение вьетминевской армии, от которого та не сумеет оправиться. Его выбор пал на Дьенбьенфу.

Глава 3

Крепость, которой не было

В ожидании зяпа

В Индокитае принимали так много «фатальных решений», что было бы несправедливым выделять какое-либо одно как самое роковое, но цепочка решений, принятых в ноябре 1953 г., фактически предопределила исход войны, исключив все сомнения в том, кто станет победителем, а кто побежденным. Битва при Дьенбьенфу была сравнительно небольшим сражением, в котором с французской стороны было задействовано чуть больше дивизии. Тем не менее она переломила ход войны с точки зрения морального духа: инициированная французами с явной целью получить перевес над силами Хо, операция закончилась эпическим разгромом самих французов по причинам, которые можно было объяснить только шокирующей коллективной некомпетентностью. Осенью 1953 г. Париж находился на таком же перепутье, как и генералы в Индокитае: война, казалось, зашла в тупик, и вопрос состоял только в том, когда начинать переговоры с Вьетминем. На ноябрьском заседании Национальный комитет обороны пришел к выводу, что лучший стратегический сценарий для начала переговоров – «заставить врага признать невозможность достижения решающего военного исхода»⁹¹. Это могло быть достигнуто только одним способом: нанести сокрушительные удары по нескольким или всем шести дивизиям регулярной армии Зяпа, развернутым на севере. Тем не менее адмирал Жорж Кабанье был откомандирован из Парижа в Сайгон с совершенно другими инструкциями для Наварра: не предпринимать никаких масштабных шагов, оставив дальнейшее урегулирование индокитайской проблемы на усмотрение политиков.

Однако у Наварра было свое видение ситуации: 2 ноября он принял решение создать укрепленную опорную базу в долине Дьенбьенфу (Долине глиняных кувшинов) в 280 км к западу от Ханоя, недалеко от границы с Лаосом. Решение было принято без надежных разведданных о местонахождении и намерениях врага: Зяп был всегда информирован гораздо лучше своего французского коллеги, отчасти благодаря высокопоставленным единомышленникам в Париже, которые ставили преданность коммунистической борьбе выше лояльности французскому триколору⁹². Тем не менее позже Наварр заявил: «Мы были абсолютно уверены в нашем превосходстве на укрепленных оборонительных позициях». Его заместитель генерал-майор Рене Коньи, 49-летний опытный офицер, сражавшийся во французском Сопротивлении и полгода проведенный в застенках гестапо, ныне командовавший французскими войсками в Тонкине, считал необходимым сосредоточиться на обороне дельты Красной реки, но в итоге неохотно согласился с новым планом Наварра.

Мощная укрепленная база с аэродромом (в долине имелась старая взлетно-посадочная полоса, построенная еще японцами), рассуждал Наварр, станет плацдармом, с которого французские войска смогут наносить удары по тыловым коммуникациям вьетминевцев и дать отпор любым силам Зяпа, которые тот может бросить против гарнизона. Располагаясь на пересечении стратегических дорог между Лаосом и Северным Вьетнамом, база перекроет вьетминевцам доступ к одному из важнейших регионов по производству риса и опиума. Хотя тонкинские аэродромы находились достаточно далеко от Дьенбьенфу, 69 военных транспортников С-47 «Дакота» могли обеспечить все потребности гарнизона в поставках, порядка 80 тонн в день.

⁹¹ Rocolle, 57, 13.11.1953.

⁹² Rocolle, 47.

Самым опасным этапом операции должна была стать первоначальная высадка французского парашютного десанта в «горячей зоне», где, согласно разведанным, стоял лагерь батальона вьетминевцев.

Генерал Наварр, 55-летний ветеран Первой мировой войны, счел риски вполне приемлемыми. Бесстрашный офицер, наделенный холодным умом и поразительно красивой внешностью, он имел небольшой опыт высшего командования, однако же обладал внушительной репутацией и определенной степенью самонадеянности. Генерал прибыл в Индокитай в мае прошлого года с таким же мандатом, на который впоследствии будут обречены и его американские преемники: обеспечить условия для переговоров о выходе с позиции силы. В Вашингтоне Джон Фостер Даллес, 65-летний бывший адвокат и ярый противник коммунизма с миссионерскими взглядами, заведовавший внешней политикой США при Эйзенхауэре, указывал на прецедент в Корее, где всего полгода назад вооруженным силам ООН пришлось яростно сражаться до самого конца, чтобы обеспечить делегации ООН эффективные рычаги на переговорах в Пханмунджоме. Что бы потом ни говорили подчиненные Наварры, нет никаких свидетельств того, что операция в Дьенбьенфу рассматривалась с точки зрения более чем обычных тактических рисков, – и уж определенно никто не предполагал, что она может привести к катастрофе.

Первые два батальона французских и вьетнамских парашютистов были десантированы в пятницу 20 ноября, в 10:35 утра, буквально за минуты до того, как Наварр принял в своем кабинете прибывшего из Парижа Кабанье. Генерал почти наверняка знал, какого рода директиву везет ему адмирал, и решил действовать на опережение. К сожалению, он не знал того, что его инициатива как нельзя лучше вписывается в стратегический план Хо, Зяпа и главного военного стратега Чыонг Тиня. Еще в октябре, совещаясь в бамбуковой хижине посреди джунглей, они сошлись во мнении, что наступление в дельте Красной реки слишком опасно, поскольку позволит французам использовать войска и огневую мощь вблизи своих основных баз. Нужно выманить французов за пределы этого укрепленного района, заставить их рассредоточить силы, а затем нанести удар там, где их войска осмелятся зайти дальше всего. С характерной для него образностью речи и жестов Хо поднял вверх сжатый кулак. Это французские силы на востоке, сказал он. И продолжил: «Но, если мы заставим их разжать кулак, мы легко сломаем им пальцы, один за другим». Сам того не зная, Наварр разыграл задуманную Хо партию, вытянув палец французских сил в район Дьенбьенфу.

Операция началась утром 20 ноября, когда первые французские и вьетнамские парашютисты, подчиняясь отрывистым командам «Пошел! Пошел! Пошел!», один за другим принялись нырять из темного брюха транспортных С-49 в прохладный утренний воздух над намеченной зоной высадки, клубившейся утренним туманом примерно в 200 м под ними. В первой партии парашютистов, раскачивающихся в воздухе под надувшимися куполами, находился полковник Пьер Ланглэ, 44-летний бретонец, известный среди солдат не только своим безграничным мужеством, но и ограниченным интеллектом вкупе с отвратительным характером. Как и ожидалось, с земли их встретили интенсивным огнем: военный врач, совершавший свой первый боевой прыжок, был убит выстрелом в голову, прежде чем успел приземлиться. Тем не менее к вечеру люди Ланглэ заставили вьетминевцев отступить со значительными потерями и сумели закрепиться на плацдарме, потеряв при этом 15 человек убитыми и 34 ранеными. Сам Ланглэ изрыгал ругательства больше обычного: из-за неудачного приземления он сломал лодыжку, что часто случается с парашютистами, и весь следующий месяц был вынужден провести в гипсе на большой земле.

На следующий день транспортники С-119, прозванные «летающими товарными вагонами», начали сбрасывать на парашютах военные грузы и технику. Старая взлетно-посадочная полоса, построенная еще японцами, не была готова к приему самолетов. На первом этапе операции французы использовали 60 000 парашютов, поэтому на аэрофотоснимках вся Долина

глиняных кувшинов усеяна белыми и цветными пятнами парашютных куполов. После того как бульдозеры разровняли взлетно-посадочную полосу, начал прибывать поток подкреплений; в итоге численность гарнизона была доведена до 12 000 человек.

Командующим гарнизоном был назначен полковник Кристиан де Кастри, 51-летний военный аристократ, имевший среди своих предков маршала, адмирала и девятерых генералов, спортсмен-наездник международного класса и заядлый покоритель дамских сердец. Несколько лет назад он получил в Индокитае тяжелые ранения, подорвавшись на mine. Впоследствии некоторые обвиняли его в трусости, утверждая, что в Дьенбьенфу он отсиживался в хорошо защищенном бункере. Но на фоне прошлых боевых заслуг де Кастри такое обвинение кажется неправдоподобным. Чего явно не хватало этому военному аристократу, так это того, что сегодня называют «вдохновляющим лидерством». Когда безысходность положения стала очевидна, он впал в угрюмый фатализм. На него нельзя полностью возложить вину за случившееся в Дьенбьенфу: архитекторами операции были Наварр и Коньи. Тем не менее он совершил множество тактических ошибок, как своими действиями, так и бездействием.

Французы часто используют для описания гарнизона в Дьенбьенфу слово «крепость», однако же ничего похожего на это там не было. Плацдарм представлял собой равнину с цепочкой невысоких холмов в окружении труднопроходимых, поросших густыми лесами гор, где действия противника было невозможно ни предсказать, ни предотвратить. Оборонительные позиции, которые начали строиться за несколько месяцев до начала боевых действий, не были укреплены должным образом: французские солдаты с пренебрежением относились к земляным работам. Их командиры исходили из того, что воздушное сообщение с большой землей будет поддерживаться в непрерывном режиме.

Зяп узнал о намерениях Наварра из французских газет, которые расхваливали его план построить неприступную крепость и дать отпор коммунистам. То, что Зяп принял решение бросить прямой вызов французскому главнокомандующему, нанеся массированный удар по созданному им укрепрайону, было обусловлено важным изменением баланса сил, о котором ничего не знали в штаб-квартире в Ханое. Китай передал Вьетминю некоторое количество 105-мм гаубиц М2А1 американского производства, захваченных у побежденной армии Чан Кайши, а также 120-мм минометов и 37-мм зенитных орудий. Армия Зяпа наконец-то получила столь необходимую ей огневую мощь и, что немаловажно, дальнбойность: снаряды 105-мм гаубиц позволяли поражать цели на расстоянии до 11 км.

Главной трудностью в этой дерзкой – и в итоге сыгравшей историческую роль – операции, на которую Зяп решился, вероятно, не без помощи китайских советников, была логистика: ему нужно было убедить Политбюро и своих командиров в том, что их люди смогут буквально на руках перетащить двухтонные орудия на расстояние почти в 800 км по одной из самых труднопроходимых местностей в Азии и в течение нескольких месяцев обеспечивать всем необходимым осадные силы в количестве четырех дивизий. 6 декабря в «освобожденных зонах» была объявлена всеобщая трудовая мобилизация в посменные отряды носильщиков: крестьяне должны были отработать не меньше месяца, после чего их отпускали домой – измученных, истощенных, больных. Чтобы замотивировать крестьян, Вьетминь пообещал им награду – земельную реформу после победы революции. Рядом с уже знакомым военным лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» – появился новый: «Земля крестьянам!»

К 5 января 1954 г. Зяп перебазировал свой передовой штаб в разветвленную сеть из пещер и искусственных туннелей, созданную вьетминевцами всего в 15 км от французского лагеря. В это же время он приказал начать выпуск боевых листов для своих войск. Помимо новостей и идеологической пропаганды, в них печатались и карикатуры. Одна из них изображала Францию в виде безобразной вульгарной женщины, которая родила ребенка по имени Дьенбьенфу, а собравшиеся вокруг них крошечные черные фигурки перерезали «пуповину»

воздушного сообщения. Карикатура оказалась пророческой: через несколько недель войска Зяпа сделали именно это.

Вьетминевские логисты и инженеры трудились не покладая рук, чтобы обеспечить надежный маршрут снабжения. Они сумели сделать некоторые участки проходимыми даже для советских грузовиков, и те курсировали на этих отрезках туда-обратно, в конечных точках разгружаемые и загружаемые, словно муравьями, бригадами носильщиков. Поставляемый из Китая рис часть пути сплавлялся на плотках по Черной реке. Зяп приказал доставить на место осады 1000 тонн боеприпасов – один 105-мм снаряд весил почти 20 кг. Когда пехотные части прибывали на исходные позиции, им тут же вручали лопаты, чтобы рыть укрепления, и веревки, чтобы таскать грузы. Огромное внимание уделялось маскировке. Вьетминевцы создавали «зеленые туннели», сплетая верхушки деревьев и лианы над тропами в джунглях, и строили мосты через реки под поверхностью воды так, чтобы те были незаметны с воздуха. На открытой местности за колоннами грузовиков шли крестьяне и заматали следы шин. Когда колонны попадали под налет французской авиации, на помощь раненым могли прийти лишь студенты-медики, в распоряжении которых имелся только перевязочный материал и народные болеутоляющие средства.

Что касается транспортировки артиллерийских орудий, то вьетминевский командир Чан До красочно описал стандартный процесс, который повторялся на протяжении нескольких недель: «Каждую ночь, когда в долины опускался ледяной туман, собирались группы людей... Тропы были узкими и к тому же вскоре покрывались по щиколотку скользкой грязью... малейшее отклонение колес в сторону – и орудие скатилось бы вниз по крутому склону. Обливаясь потом и слезами, мы тащили эти орудия, которые было под силу сдвинуть только грузовикам... Единственной нашей едой был рис, часто недоваренный, потому что походным кухням нельзя было дымить днем и разжигать яркие костры ночью. На подъемах сотни человек тянули орудия вверх на длинных веревках; на гребне устанавливали лебедку, чтобы не позволить орудиям скатиться вниз. Спуски давались гораздо труднее; тропы извивались и изгибались, а тяжелые орудия так и норовили набрать скорость. Артиллерийские расчеты направляли и затормаживали свои пушки, ставя подпорки под колеса, а пехота удерживала их с помощью веревок и лебедок. Иногда за целую ночь, трудясь под светом факелов, нам удавалось пройти всего километр, а то и полкилометра»⁹³. Вьетминевская пропаганда посмертно героизировала солдата, который бросился под колеса пушки, чтобы не дать той скатиться в пропасть.

Французская разведка по мере возможности следила за лихорадочной деятельностью вьетминевцев на северо-западе. По ее оценкам, Зяп мог собрать около 25 000 носильщиков, которые могли обеспечить снабжением примерно такое же число осаждающих. В действительности же коммунисты мобилизовали 60 000 человек. Специально оборудованные велосипеды стали важнейшим звеном в цепочке снабжения: каждый велосипедист мог перевозить больше 50 кг груза, а в чрезвычайных ситуациях до 100 кг. Коммунистические лидеры использовали свой агитаторский дар не только среди солдат, но и среди крестьян-носильщиков, вдохновляя их на поистине героические усилия и жертвы, на которые были способны немногие французские солдаты и тем более наемники. Один французский военнопленный был глубоко впечатлен, когда на призыв вьетминевского командира помочь обезвредить французские бомбы замедленного действия откликнулось сразу десять добровольцев.

Поначалу события разворачивались в неспешном темпе; между первой высадкой французского парашютного десанта 20 ноября и первым вьетминевским штурмом в марте прошло больше 100 дней. Тем не менее вьетминевцы жестко пресекали любые попытки французов выдвинуться за пределы периметра: в декабре два парашютных батальона, пытавшихся войти в деревню в 15 км от базы, наткнулись на сильный огонь и были вынуждены отступить. Наварр

⁹³ Rocolle, 251.

дал де Кастри новый приказ: отказаться от рейдов и просто удерживать лагерь любой ценой. Имея в своем распоряжении четыре 155-мм пушки, а также 105-мм гаубицы и 120-мм минометы, защитники были уверены, что подавят вьетминевцев превосходящей огневой мощью. Но их ожидания не оправдались: низкое качество топографических карт не позволяло авиационным и артиллерийским наводчикам обеспечить высокую точность наведения; к тому же вьетминевцы умело маскировали свои тяжелые орудия, делая их почти неуязвимыми для бомбардировки.

На протяжении всего декабря французское командование получало непрерывный ручеек разведанных, которые вызывали у Наварра и Коньи тревогу, хотя и не такую сильную, как следовало бы. Они знали, что в горах на севере происходит передислокация четырех дивизий, но не были уверены насчет их места назначения: отвлекающие действия вьетминевцев на Центральном нагорье и в дельте Красной реки ввели французский штаб в заблуждение. Кроме того, до настоящего момента вьетминевские войска, наталкиваясь на сильное сопротивление, всегда сворачивали атаку и отступали. Французские генералы были уверены, что в Дьенбьенфу армия Зяпа поступит так же. Посетивший гарнизон корреспондент газеты *Le Monde* сообщил читателям, что среди французских солдат царит настроение «On va leur montrer!» – «Мы им покажем!»⁹⁴.

Накануне Нового года Наварру стало известно, что Вьетминь занимается переброской гаубиц: 31 декабря он сообщил в Париж, что оборона плацдарма может стать затруднительной. Тем не менее в первые недели 1954 г. главным врагом гарнизона была скука. Полковник Ланглэ вернулся из госпиталя с забинтованной лодыжкой и передвигался по лагерю на маленьком пони. Патрули несли небольшие, но регулярные потери. Многие солдаты с нетерпением ждали, когда вьетминевцы начнут штурм, чтобы «надрать им задницы» – и получить долгожданный отпуск в Ханой с его изобилием увеселительных заведений. Но некоторые предчувствовали недоброе. 11 января подполковник Жюль Гоше писал своей жене: «Время идет медленно, и не происходит ничего интересного. Нам говорят, что это ненадолго и следует приготовиться к трудным временам. Ходят слухи, что мы предназначены для жертвоприношения»⁹⁵.

В последующие недели защитники гарнизона предприняли несколько вылазок с целью уничтожить артиллерию противника, но все они потерпели неудачу. Попытки перерезать маршруты снабжения Зяпа с воздуха также не увенчались успехом, отчасти из-за сложных условий, отчасти из-за неопытности французских экипажей бомбардировщиков В-26 *Marauder*. Однажды позиции Ланглэ подверглись бомбардировке; поначалу защитники подумали, что это китайцы, но это оказался заблудившийся французский бомбардировщик⁹⁶, что было неудивительно, поскольку бомбометание производилось с высоты больше 3,5 км. Вдали от Дьенбьенфу вьетминевцы совершали ночные диверсионные рейды, чтобы отвлечь внимание Наварра и нанести урон вражеской авиации. Их усилия были более успешными: в ходе рейдов на аэродромы вокруг Ханоя и Хайфона им удалось уничтожить 20 самолетов, большинство из которых – ценные транспортные С-47.

К середине зимы Наварр и его штаб получили достаточно разведанных, чтобы понять: их ожидает полномасштабная кровавая катастрофа. Они делились своими сомнениями с Парижем, однако ядовитый коктейль из гордости, фатализма, глупости и моральной слабости мешал им признать собственную ошибку. Если бы гарнизон Дьенбьенфу был эвакуирован, никто бы никогда за пределами Вьетнама не услышал об этом месте. Это было бы одним из обычных локальных отступлений, к которым все привыкли. Безусловно, главная ответственность за случившееся лежит на Наварре, но в неменьшей степени она лежит и на всем французском воен-

⁹⁴ Rocolle, 329.

⁹⁵ Rocolle, 327.

⁹⁶ Rocolle, 70.

ном и политическом руководстве. К несчастью для французов, их страной и их армией управляли люди, над которыми довлело пережитое в недавнем прошлом национальное унижение и которые жаждали во что бы то ни стало восстановить национальную честь, возродить славу своей Родины. Движимые этими иррациональными побуждениями, они обрекли свою армию на одно из самых громких военных фиаско XX в. – фиаско тем более горькое, что были все шансы его избежать.

В последнюю неделю января гарнизон был приведен в состояние боевой готовности: разведка сообщила, что вьетминевцы собираются начать массированный штурм в течение нескольких часов. Разведка ошиблась: таков был первоначальный план, но Зяп его изменил. Краеугольным камнем всех недавних военных побед армии Вьетминя была тщательная подготовка. Несмотря на то что все войска уже прибыли на свои позиции, Зяп решил, что запасов артиллерийских и минометных боеприпасов недостаточно для успешного штурма. К досаде своих подчиненных, он отложил начало операции.

Согласно его новому плану, предстоящая операция должна была захватить сезон дождей. Зяп считал, что его люди, находящиеся на горных склонах, будут меньше страдать от проливных дождей, чем французский гарнизон на равнине. В Париже один из генералов думал так же, мрачно заметив, что к апрелю лагерь де Кастри будет затоплен водой по колено: «Мы рассчитывали, что сумеем уничтожить три лучшие дивизии Вьетминя. Вместо этого Зяп загнал значительную часть наших сил в мышеловку и спокойно готовится к штурму»⁹⁷. Возможность эвакуации была в очередной раз обсуждена – и отброшена, поскольку это означало бы потерю огромного количества военного имущества и почти наверняка уничтожение арьергарда. Вместо этого Наварр принял решение усилить гарнизон.

Следующие семь недель тянулись бесконечно долго и для осаждающих, и для осажденных. Противники внимательно наблюдали друг за другом с укрепленных позиций. В небе курсировали самолеты. Время от времени завязывались перестрелки, но все именитые визитеры – важные военные и политические персоны, включая американского командующего Майка О’Дэниела и британского романиста Грэма Грина, – отбыли с базы целыми и невредимыми. Воздушные атаки на позиции и пути снабжения Вьетминя были удручающе бесполезны. Французским пилотам не хватало опыта, а свои старые разбитые бомбардировщики они называли «ловушками» (*les pièges*). Многие из 650 французских летчиков, погибших в Индокитае, стали жертвами человеческих ошибок или механических поломок, а вовсе не действий врага. Вскоре вьетминевцы поняли: французы производят много шума, но наносят на удивление незначительный урон. Один молодой вьетнамец, переживший множество воздушных и артиллерийских обстрелов своей деревни, впоследствии вспоминал: «Бомбардировки и обстрелы больше пугали людей, чем причиняли вреда... Постепенно люди к ним привыкли»⁹⁸. Более того, вокруг Дьенбьенфу самолеты все чаще попадали под плотный огонь 37-мм зенитных орудий советского производства. В декабре 53 самолета получили повреждения разной степени тяжести. После того как наступило сезонное ухудшение погоды, пилоты, полагавшиеся на навигационные технологии времен Второй мировой войны, столкнулись с еще большими сложностями и, как следствие, потерями.

С точки зрения Наварра, куда более тревожной, чем вести из Дьенбьенфу, была новость из Европы, которая в одночасье подняла ставки на вьетнамских полях сражений: это было известие о предстоящей международной конференции по Корее и Индокитаю, другими словами, о переговорах. Французские военные почувствовали в воздухе так хорошо знакомое им зловоние надвигающегося предательства. Не желая признавать, что их усилия вымостить путь

⁹⁷ Rocolle, 335.

⁹⁸ Luan, 63.

к победе в Индокитае оружием и бомбами терпят неудачу, они обвинили политиков в том, что те в очередной раз собираются сделать их жертвами своих грязных манипуляций.

Между тем война в Индокитае вызывала растущее смятение в США и Европе. В первые годы после начала проекта «Манхэттен» – американской программы по созданию атомной бомбы – британский премьер-министр Уинстон Черчилль относился к ней с наивным легкомыслием. Но спустя десятилетие стареющий политик осознал все опасности развязывания ядерной войны гораздо острее, чем многие американцы, в том числе президент Дуайт Эйзенхауэр. Черчилль и его министр иностранных дел Энтони Иден понимали, что недавно созданная водородная бомба была не просто очередной военной игрушкой; даже сама по себе угроза ее применения ради достижения каких-либо внешнеполитических целей была в высшей степени серьезным шагом.

Администрация США обдумывала различные варианты, среди которых – подвергнуть Китай бомбардировке, чтобы наказать Мао Цзэдуна за поддержку Вьетминя. Это предложение шокировало британское правительство. Хотя лишь немногие американцы, в том числе в мундирах с генеральскими звездами, открыто предлагали «сбросить атомную бомбу» на китайцев, если начнется вооруженный конфликт, невозможно было прогнозировать, чем все закончится. Британцы продолжали верить в дипломатию, но администрация Эйзенхауэра все меньше разделяла это убеждение. Американские консерваторы осуждали готовность Британии к дипломатическому сотрудничеству с СССР и Китаем как трусливую политику умиротворения.

В январе 1954 г. в Берлине состоялась напряженная встреча министров иностранных дел великих держав-победительниц. Советский министр Вячеслав Молотов предложил созвать конференцию с участием представителей коммунистического Китая, который до сих пор по настоянию американцев бойкотировался международным сообществом. Это позволило бы начать урегулирование острых проблем в Азии, особенно в Корее и Индокитае. Госсекретарь США Джон Фостер Даллес встал на дыбы: американцы никогда не сядут за стол переговоров с коммунистическими узурпаторами власти в Китае. Однако Иден при поддержке Черчилля одобрил эту идею. Французский министр иностранных дел Жорж Бидо также выступил за: шаткое правительство Четвертой республики отчаянно желало начать диалог с Пекином и убедить того отказаться от поддержки Вьетминя. В конце концов Даллес, скрепя сердце, был вынужден согласиться. 18 февраля объявили, что 26 апреля в Женеве начнется международная конференция под председательством Великобритании и СССР, на которую будут приглашены все заинтересованные стороны.

Перед обеими армиями в Индокитае встала срочная задача: в преддверии переговоров добиться максимального военного преимущества на полях сражений. Наварр и его подчиненные отбросили все сомнения, вызванные тревожными разведанными и прогнозами, и принялись говорить о победе. Воодушевленное победоносным настроением своих генералов, французское правительство высокомерно отвергло предложение индийского премьер-министра Джавахарлала Неру объявить в Индокитае немедленное прекращение огня. Маловероятно, чтобы Вьетминь согласился на такое перемирие, но факт остается фактом: французы сами отказались от возможности – последнего шанса – забрать свои ставки со стола в Дьен-бьенфу.

Катастрофа грядет

Вдали от Парижа французские защитники удаленного форпоста в горах на западе Тонкина столкнулись с еще одним неожиданным новшеством в стане врага. Согласно традиционной военной мудрости, артиллерию следовало размещать на обратных склонах, вне прямой досягаемости противника. Однако Зяп установил свои гаубицы на передних склонах, где их стволы были направлены вниз на позиции де Кастри и простреливали большую часть лагеря. Несмотря на это, тяжелые орудия были практически неуязвимы для контрбатарейных обстрелов французов, поскольку были спрятаны в пещерах и туннелях и выкатывались наружу только для стрельбы. Долина Дьенбьенфу находится на высоте 300 м над уровнем моря; самые высокие французские позиции располагались на 180 м выше. Позиционная линия вьетминевцев проходила по горным склонам на расстоянии всего 4,5 км от французов на средней высоте 1100 м. Вьетминевцы продолжали рыть туннели, приближаясь к периметру, и вскоре их артиллерия стала простреливать почти весь лагерь.

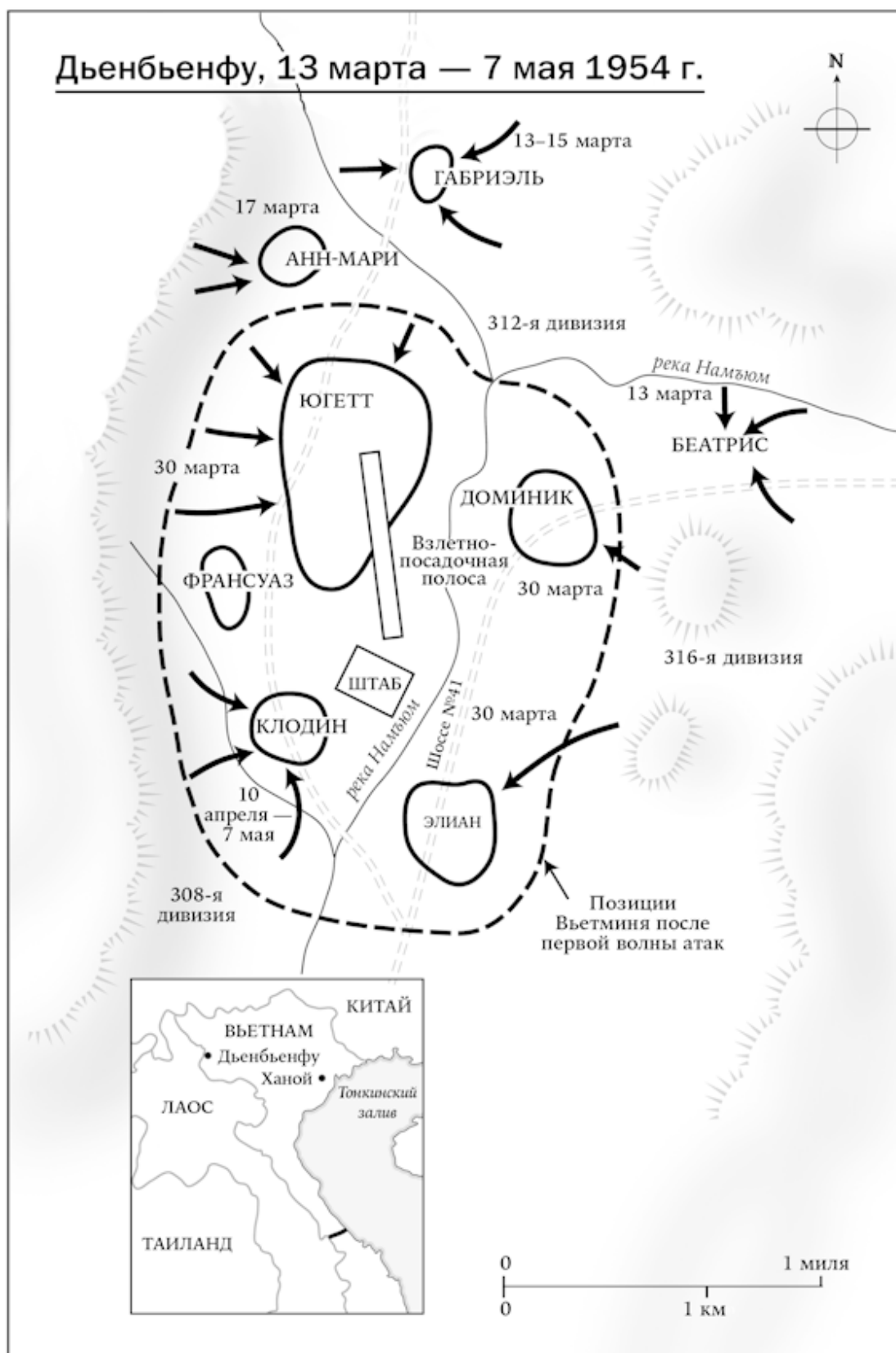
Пушки и минометы де Кастри находились в открытых огневых ямах, абсолютно беззащитные. В лагере имелось несколько 18-тонных танков Чаффи, доставленных в разобранном виде и собранных на месте, которые обеспечивали мобильную огневую мощь. Однако французские солдаты и офицеры постепенно начали понимать, в какой серьезный переплет попали. По мере того как передовые позиции подвергались все более интенсивному обстрелу вьетминевской артиллерии, услуги двух полевых борделей стали пользоваться все меньшей популярностью. Хотя к середине февраля вьетминевцы не предприняли ни одной серьезной атаки, количество убитых и раненых в гарнизоне достигло 10 % личного состава. Сокращение воздушного сообщения привело к нехватке продовольствия и боеприпасов.

11 марта вьетминевская артиллерия подобралась так близко, что начала обстреливать самолеты, стоявшие рядом со взлетно-посадочной полосой. Начиная с 13 марта все взлетающие и идущие на посадку самолеты попадали под плотный зенитный огонь. Воздушное пространство ниже 2 км стало небезопасным. 12 марта самолет Рене Коньи сумел взлететь под градом снарядов; храброму генералу посчастливилось выжить, но это был его последний визит на плацдарм. В течение нескольких недель войска Зяпа копали, копали и копали – последний раз такие масштабные земляные работы велись на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Один из вьетминевцев позже вспоминал: «Лопата стала нашим главным оружием». Они вырыли по периметру лагеря разветвленную сеть туннелей и траншей, которые обеспечивали не только надежное укрытие, но и скрытые подходы. Французские оборонительные позиции были сосредоточены на девяти холмах, названных красивыми женскими именами. Позиции «Изабель» и «Беатрис» считались почти неприступными, но вновь прибывший офицер-парашютист с тревогой отметил уязвимость окопов и огневых точек: гарнизон мог бы быть укреплен куда лучше, если бы все предыдущие недели его защитники копали так же энергично, как осаждающие⁹⁹.

Утром 13 марта Зяп зачитал перед бойцами 312-й дивизии послание Хо Ши Мина и исполнил вместе с ними гимн Вьетминя. После обеда они начали готовиться к штурму укрепления «Беатрис», самой восточной французской позиции, находящейся всего в 3 км от взлетно-посадочной полосы. В 17:05 защитники заметили подозрительную активность на позициях противника и приготовились открыть заградительный артиллерийский огонь, но Зяп их опередил. Град снарядов и минометных мин внезапно обрушился на «Беатрис», а также на многочисленные цели по всему лагерю, особенно на огневые точки, склады и штаб. Обстрел

⁹⁹ Rocolle, 275.

велся с поразительной точностью, вероятно благодаря помощи китайских военных советников, которые за предыдущие недели затишья тщательно изучили французские позиции и откалибровали прицелы на орудиях. Вьетминевские разведчики с бесконечным мужеством и терпением часами ползали в темноте между заграждением из колючей проволоки и французскими окопами. В частности, по антеннам радиосвязи они определили местонахождение командных пунктов.

Группа Пьера Ланглэ выжила только чудом. Сам полковник мылся под душем, сооруженным из продырявленной бочки из-под горячего, когда начался обстрел. В чем мать родила он добежал до командного блиндажа и влетел в него за несколько секунд до того, как в его перекрытия угодил снаряд. На голову находившимся внутри офицерам посыпалась земля, доски и

обломки разбитого оборудования. К счастью, второй снаряд, попавший туда же, не взорвался. По всему лагерю вздымались оранжево-красные огненные шары – это горели хранилища горючего и напалма. Все самолеты, кроме одного самолета-корректировщика, были уничтожены.

Французские командиры остались практически без связи. Многие телефонные линии были повреждены; радиосвязь из-за обычных вечерних атмосферных помех стала отвратительной. Батальон Иностранного легиона, оборонявший укрепление «Беатрис», был недоукомплектован рядовыми и офицерами, насчитывая всего 450 человек. Гарнизонное командование ожидало штурма только после наступления темноты и не успело перебросить подкрепление. Между тем вьетминевцы отрыли траншеи на расстояние менее 50 м до периметра «Беатрис», и их пехота, возникнув буквально из-под земли, бросилась в атаку в адской какофонии криков, сигналов горнов и взрывов бангалорских торпед, которые атакующие подсовывали под колючую проволоку. Вьетминевская артиллерия продолжала наносить смертельные удары: в 18:30 точным попаданием был разбит командный пункт «Беатрис». Когда опустилась ночь, защитники опорных пунктов были вынуждены сражаться изолированно друг от друга, под светом осветительных ракет. Некоторые подразделения сумели нанести нападавшим значительный урон, прежде чем их сопротивление было смято. Тем не менее в течение часа, невзирая на огромные потери, вьетминевцы прорвали оборону и продвинулись вглубь периметра.

Один ротный командир продолжал корректировать огневую поддержку, даже когда в траншею ворвались вьетминевцы: «Право 100... ближе 100... ближе 50... Огонь на меня! Вьеты над нами!» После этого голос замолк; в эфире остался лишь треск атмосферных помех. Подполковник Гоше, который в письме жене мрачно пошутил, что он и его товарищи «предназначены для жертвоприношения», был смертельно ранен. Ланглэ получил приказ взять командование на себя, но у него не было ни телефонной, ни радиосвязи. Вскоре после полуночи вьетминевцы захватили укрепление «Беатрис», убив более ста защитников и взяв в плен в два раза больше, большинство – ранеными. Ускользнуть удалось всего сотне человек во главе с сержант-майором. Когда 14 марта в 06:18 наступил рассвет, над полем боя повисла жуткая тишина, которую нарушал лишь шелест моросящего дождя, постепенно перешедшего в ливень. Гарнизонные медики, потирая глаза и ваясь с ног от усталости, выходили из своего душного блиндажа после ночи непрерывных операций: 10 ранений в грудь, 10 в живот, 2 в голову, 15 переломов и 14 ампутаций. Повсюду валялись обломки, стояли черные сгоревшие остовы автомобилей, самолетов и военной техники. Французская авиация начала запоздалую и бесполезную воздушную атаку на позиции вьетминевцев.

Вскоре на «Доминик» прибыл раненый французский лейтенант Фредерик Турпин с захваченной высоты «Беатрис» с предложением от вьетминевцев объявить временное прекращение огня для эвакуации раненных. Штаб Коньи дал добро. Это был хитрый психологический ход со стороны Зяпа, который таким образом переложил ответственность за восемь тяжелораненых на французов и заставил признать локальную победу вьетминевской армии. Турпину посчастливилось вместе с другими ранеными улететь в Ханой. Что касается оставшихся, то Пьер Роколь так писал об этом: «Те, кто не был задействован на боевом дежурстве, словно пребывали в ступоре. Офицеры и солдаты не переставали задавать себе вопрос: “Как вьетминевцы сумели так легко одолеть батальон Иностранного легиона?”»¹⁰⁰ В ответ Коньи решил укрепить гарнизон, направив туда еще один батальон парашютистов.

Между тем Зяп приготовился повторить свой успех на укреплении «Габриель» в северном секторе, которое оборонял батальон 7-го полка Алжирских стрелков. 14 марта в 18:00, когда алжирцы ужинали в ожидании беспокойной ночи, пехота 308-й дивизии Вьетминя бросилась на штурм. Ожесточенная битва продолжалась до поздней ночи, под вспышками осветительных ракет, которые сбрасывал курсировавший в небе «Дакота». В течение нескольких

¹⁰⁰ Rocolle, 352.

часов защитникам удавалось удерживать свои позиции при поддержке французской артиллерии, выкашивавшей ряды вьетминевской пехоты. Но в 03:30 ночи вьетминевцы возобновили артобстрел и разрушили командный пункт, убив или ранив большинство тех, кто в нем находился. Де Кастри приказал на рассвете начать контратаку, и оборонявшиеся офицеры были воодушевлены сообщениями о том, что подразделения парашютистов и танки стягиваются на исходные позиции. Но с алжирцев было достаточно. 15 марта в 07:00 на гребне высоты «Габриэль» появились первые вьетминевские солдаты. Стрелки, включая роту, которая до сих пор не участвовала в сражении, выскочили из окопов и враспынную бросились бежать с холма. Солдаты Зяпа захватили укрепление, взяв в плен 350 алжирцев, включая контуженного командира батальона, и обнаружив в окопах 80 трупов. Недавно прибывший в Дьенбьенфу вьетнамский батальон был отправлен контратаковать, но, столкнувшись с заградительным артиллерийским огнем на открытой местности, дрогнул; когда в лагере появились бежавшие с позиций алжирские стрелки, наступление было прекращено.

Столкнувшись со вторым поражением за сутки, французское командование решило возложить всю вину на своих офицеров. В письме маршалу Жуэну в Париж Наварр заявил, что «пораженческие настроения в наибольшей степени охватили тех командиров, которые ранее выказывали высокую уверенность (в некотором роде даже чрезмерную) и в целом склонны метаться от одной крайности к другой»¹⁰¹. Генерал отправил в Дьенбьенфу двух полковников-добровольцев на замену погибших. Смирившись с безуспешными попытками французской авиации прервать маршруты снабжения Зяпа, Наварр предложил нелепую идею: засеивать над джунглями дождевые облака, чтобы затопить коммунистов¹⁰².

В лагере несколько штабных офицеров де Кастри стали жертвами нервных расстройств: начальник штаба неподвижно сидел в своем блиндаже, отказываясь снимать каску. Де Кастри был опытным командиром, но ему не хватало лидерских качеств: вместо того чтобы поднять боевой дух своих людей пламенной речью или товарищеской поддержкой, он, казалось, смирился с неизбежным поражением. Вьетминевцы сосредоточили огонь своих гаубиц на французской артиллерии, которая несла тяжелый урон: расчеты 155-мм орудий потеряли треть своих людей убитыми или ранеными, а расчеты 120-мм минометов – более половины. К третьему дню сражения была израсходована половина из имевшихся в гарнизоне 27 000 снарядов. Лишившись передовых наблюдательных пунктов, артиллеристы были вынуждены вести огонь почти вслепую, ориентируясь по аэрофотоснимкам вьетминевских позиций, которые печатались в Ханое и сбрасывались в лагерь на парашютах.

Начальник гарнизонной артиллерии, круглолицый весельчак Шарль Пиро, который браво обещал разделать под орех пушки коммунистов, подвергся беспощадному разному со стороны Ланглэ за недееспособность его батарей в ходе первых двух ночных боев. Полковник удалился в свой блиндаж и в отчаянии разрыдался: «Я опозорен». По правде говоря, позора заслуживало его начальство, которое направило 12 000 французских и колониальных солдат фактически в ловушку, где те были вынуждены сражаться с пятикратно превосходящими силами противника под командованием блестящего генерала. Пиро взял гранату, прижал ее к телу и выдернул чеку. Де Кастри попытался скрыть самоубийство полковника, но новость быстро просочилась на большую землю и была опубликована в газете *Le Monde*. В ночь на 14 марта несколько снарядов угодили в главный медпункт, убив 14 человек в приемном отделении и 9 прооперированных, а также уничтожив рентгеновский аппарат. Это усугубило страдания раненых. За все время осады хирурги и медперсонал оказали помощь 2665 раненым и провели 934 операции, из которых 319 закончились летальным исходом. Противник продол-

¹⁰¹ Rocolle, 371; письмо от 21.03.1954.

¹⁰² Rocolle, 411.

жал обстреливать взлетно-посадочную полосу и уничтожил 10 самолетов, которые застряли на земле из-за плохой погоды¹⁰³.

Следующие два дня, 15–16 марта, прошли почти без происшествий. Вьетминевцы транслировали по громкоговорителям призывы сдаться, повторяя их на французском, вьетнамском, арабском и немецком языках. Это возымело действие. Вопреки настоятельным возражениям де Кастри, Коньи направил в гарнизон Дьенбьенфу один вьетнамский и два тайских батальона, которые были известны своей ненадежностью. Французские офицеры всегда опасались, что известие о мирных переговорах приведет к развалу местных войск, и оказались правы¹⁰⁴. После объявления о грядущей Женевской конференции те поняли, кто побеждает в войне за Индокитай – и это были не колониальные силы. В ночь на 15 марта струйка дезертиров из тайского батальона, оборонявшего форт «Анн-Мари» в северном секторе в 2,5 км к юго-западу от «Габриель», переросла в полноводную реку. Когда вьетминевцы начали обстрел позиций, бегство только усилилось. Французский передовой наблюдатель-корректировщик лаконично сообщил в штаб: «Тайцы ушли». Опорные пункты «Анн-Мари-1» и «Анн-Мари-2» оказались в руках Зяпа почти бескровно, и тот немедленно переместил туда свои минометы и безоткатные орудия.

Боевой дух гарнизона рухнул настолько, что войска Зяпа могли бы почти беспрепятственно захватить весь лагерь, что его командиры и горели желанием сделать. Впоследствии де Кастри писал о той пропасти духа, которая разделяла осаждающих и осажденных, где первые были «людьми, сражавшимися за независимость своей страны... [а вторые] наемниками, воевавшими за деньги»¹⁰⁵. Однако Зяп отказался спешить. До сих пор тщательная, методичная подготовка никогда его не подводила. Кроме того, первые победы достались его войскам дорогой ценой: по оценкам, при штурме «Беатрис» погибла четверть задействованной пехоты, а при взятии «Габриэль» только один из батальонов потерял убитыми 240 человек. Шесть вьетнамских недоучившихся медиков пытались оказать помощь 700 раненым.

Под градом шрапнели и мин вьетминевцы дорого расплачивались за отсутствие у них стальных касок, а также за тактику атак «людскими волнами». Ночами напролет они рыли траншеи и туннели, постепенно приближаясь к французским позициям. Деревянные стойки доставлялись за несколько километров из ближайшего леса. Зяп требовал подкреплений; на контролируемом коммунистами севере Вьетнама была проведена всеобщая мобилизация, затронувшая даже подростков: Дьенбьенфу стал местом мученической смерти не только тысяч французов, но и тысяч вьетнамцев.

Зяп ежедневно изучал графики снабжения – «движущуюся красную линию». Однажды утром он спросил у своего начальника снабжения, почему прошлой ночью не было доставлено ни одной тонны риса. Тот ответил, что помешал проливной дождь. «Пусть идет дождь или град, мы не можем допустить, чтобы наши солдаты воевали с пустыми животами!» – заявил Зяп¹⁰⁶. Это было циничное словоблудие: он прекрасно знал, что большинство его людей голодают. Они почти не получали ни мяса, ни овощей, и к середине марта, по словам солдата 312-й дивизии, им выдавали «такой гнилой рис, что повара не знали, как его приготовить»¹⁰⁷. Солдатам приходилось собирать съедобные дикие растения и корни в джунглях. Понятно, что ни о каких сигаретах не шло и речи.

Тем не менее Зяп решил продолжать осаду в той же манере медленного удушения, кропотливо подготавливая успех каждого удара и постепенно лишая французов любой надежды на

¹⁰³ Rocolle, 307.

¹⁰⁴ Rocolle, 37.

¹⁰⁵ Rocolle, 407.

¹⁰⁶ Vo Nguyen Giap, *Collected Writings*, Saigon Cultural Publishing House 2009, 132.

¹⁰⁷ Rocolle, 324.

выживание. Его 37-мм зенитные пушки не давали спуску французской авиации: почти ни один самолет не возвращался из полета в гарнизон невредимым. После взятия трех из девяти высот вьетминевская артиллерия вела непрерывный обстрел взлетно-посадочной полосы. Число медицинских эвакуационных рейсов заметно сократилось; едва самолет или вертолет с красным крестом касался земли, его окружала толпа охваченных паникой потенциальных пассажиров, раненых и нет. Фотожурналист Жан Перо описал в своем репортаже эту сцену, которая напомнила ему пережитое в Германии в 1945 г.: «Крики. Слезы. Паническая толчея раненых у люка. Никогда не видел ничего подобного со времен концлагеря»¹⁰⁸. 17 марта вьетминевцы сделали еще один грамотно рассчитанный «жест милосердия», передав гарнизону 86 раненых пленных. Понятно, что это только добавило работы и без того перегруженной медицинской службе: медики не знали, что делать с грудой ампутированных конечностей.

Экипажи санитарных вертолетов не заслуживали никакой похвалы: 23 марта вертолет Н-19, несмотря на указания, приземлился на площадке, которая хорошо простреливалась вьетминевцами. Пока загружали раненых, экипаж покинул машину и избежал гибели, в то время как вертолет и его беспомощные пассажиры, среди которых был сын легендарного генерала Фернана Гамбьеа, Ален Гамбьеа, были уничтожены. Один французский писатель с горечью заметил: «Определенно экипажи вертолетов набираются не из лучших людей ВВС»¹⁰⁹. А де Кастри сетовал по поводу отсутствия у них мужества. Такие же горькие слова можно было сказать и о французских экипажах самолетов, которым вскоре надоело рисковать своими жизнями. Постепенно все больше рейсов по снабжению гарнизона стало выполняться наемными пилотами из выкупленной ЦРУ авиакомпания САНТ, которые демонстрировали куда больше летного мастерства и мужества, чем их французские коллеги. Особенно рискованными были боевые вылеты для бомбардировки напалмом: однажды во время разгона С-119 по взлетно-посадочной полосе его пилот преждевременно убрал шасси, из-за чего самолет проскреб брюхом, в котором было 4 тонны «адского желе» и 1500 галлонов авиационного топлива, по стальному покрытию, выбивая снопы искр. Экипаж выжил каким-то чудом.

Что касается гарнизона в Дьенбьенфу, то большинство французских солдат и офицеров сохраняли стойкость, тогда как их презрение к «колониальным братьям» росло с каждым днем. 15 марта батальон вьетнамских парашютистов не сумел отбить укрепление «Габриэль» (хотя Пьер Роколь признал, что их французские командиры также «подали прискорбный пример»)¹¹⁰. Несколько сотен солдат алжирского батальона покинули свои позиции и до конца осады отсиживались в джунглях и пещерах на берегу реки Намьюм, – за что их прозвали «намьюмскими крысами», – воруя еду в собственном лагере и окружающих деревнях. Североафриканские артиллеристы и инженеры сохраняли поразительное мужество, хотя ежедневно теряли около полусотни человек, даже когда не было больших атак.

Душой гарнизона стал не де Кастри, а Ланглэ, который, по словам одного восхищенного легионера, «пел Марсельезу все 56 дней. И никогда не падал духом»¹¹¹. Однако полковник, как и многие доблестные вояки, не отличался ни особым умом, ни даже тактической смекалкой. Де Кастри как-то сказал Наварру: «Его достоинства – в его недостатках»¹¹². 16 марта к Ланглэ присоединился вновь прибывший майор Марсель Бижар, его старый товарищ, ставший еще одной легендой Дьенбьенфу. Сын бедного железнодорожника из Туля, после одного особенно кровопролитного сражения Бижар представил к награждению Военным крестом всех бойцов своего парашютного батальона. Этот железный человек был известен под своим радиопозыв-

¹⁰⁸ Fall Bernard, *Hell is a Very Small Place*, 162.

¹⁰⁹ Rocolle, 390.

¹¹⁰ Rocolle, 404.

¹¹¹ Rocolle, 296; по словам Бижара.

¹¹² Rocolle, 372.

ным «Бруно». Однако и Ланглэ, и «Бруно» могли разве что пережить вместе со своими людьми распятие, но не воодушевить их на воскресение.

Несколько успешных рейдов за периметр немного приободрили защитников гарнизона, но де Кастри был вынужден тщательно взвешивать каждую такую вылазку и даже рутинное патрулирование с точки зрения потенциальных человеческих потерь. Раненых становилось все больше, а их положение все хуже. Сержант Лерой, получивший осколочные ранения 16 марта при обороне форта «Изабель», находился в полевом госпитале, когда тот подвергся обстрелу, – его снова ранило шрапнелью. Едва оправившись от ранений, он отправился в свой форт, но на полпути в их грузовик угодил снаряд. Водитель погиб; раненого Лероя вытащили из-под обломков, после чего он пережил операцию на желудке и, поскольку госпиталь был забит до отказа, следующие три ночи провел в дренажной канаве. В конце концов 25 марта он был эвакуирован в Ханой.

Всего за период с 13 и 27 марта было эвакуировано 324 раненых, но 28 марта вьетминевцы подбили «Дакоту» на взлетно-посадочной полосе. Теперь артиллерия Зяпа простреливала весь лагерь, и отряд из 1200 парашютистов под командованием майора Бижара предпринял отчаянный рейд, чтобы подавить их огневые точки. В тот день вьетминевцы потеряли 350 человек убитыми; французам удалось уничтожить немало зенитных установок, но сами они потеряли 110 человек – целую роту – без сколь-нибудь существенного результата. Число боеспособных солдат в распоряжении де Кастри стремительно таяло. Использовать взлетно-посадочную полосу стало слишком опасно: вьетминевцам удалось перерезать «пуповину» – «воздушный мост», на котором строился весь план операции в Дьенбьенфу. Солдаты начали снимать с ВВП перфорированные стальные плиты, чтобы покрывать ими блиндажи и траншеи: самолетов здесь уже не ждали.

После этого страдания раненых стали действительно ужасными. Кроме того, в гарнизоне закончились запасы *виножеля* – винного концентрата, служившего стимулятором и источником жизненной силы для многих поколений французских солдат. 29 марта начались проливные дожди, которые шли на протяжении всех оставшихся недель осады: люди сражались и умирали в болоте жидкой грязи. Теперь, когда все грузы приходилось сбрасывать в гарнизон на парашютах, снабжение резко сократилось. Кроме того, из-за плотного зенитного огня транспортным самолетам пришлось отказаться от дневных полетов на низкой высоте и производить выброску с большей высоты преимущественно по ночам. В результате все больше грузов попадало в руки солдат Зяпа. Один вьетминевский военачальник сухо заметил: «Вражеская парашютная выброска составляет немаловажный источник предметов снабжения, которые в прямом смысле падают на нас с неба!»¹¹³

Самой известной оборонительной операцией французской армии в XX в. была битва при Вердене в 1916 г., немалую роль в которой сыграла так называемая Священная дорога (*La Voie sacrée*) – жизненно важная артерия, по которой силы генерала Филиппа Петена получали непрерывный поток свежих войск и боеприпасов. 22 марта полковник де Кастри в личном письме генералу Коньи заметил, что Дьенбьенфу превращается в индокитайский Верден с одним ключевым отличием: здесь не было никакой «священной дороги».

¹¹³ Giap, 130.

Глава 4

Кровавый след

Уйти или бомбить?

Несмотря на то что Зяп сосредоточил в Дьенбьенфу три четверти своих регулярных войск, партизанские отряды Вьетминя продолжали наращивать давление в разных частях страны, заставляя французов рассеивать силы. Продолжались столкновения в дельте Красной реки и южных районах Аннама: с начала февраля до середины марта 59 фортов пали под натиском вьетминевцев. Значительная часть дельты Меконга оказалась в руках коммунистов, теснивших французские войска все дальше на север региона. Французское командование отчаянно пыталось удержать территории по всему Вьетнаму и в Лаосе; в Дьенбьенфу надвигалась катастрофа. Французская колониальная власть в Индокитае трещала по швам. Только одна сила в мире была способна предотвратить ее крах: Соединенные Штаты Америки.

На протяжении двух месяцев весной 1954 г. президент Эйзенхауэр и ряд ключевых членов его администрации активно продвигали план военного вмешательства, которое они не просто считали необходимым – они горели желанием это сделать. Как и в следующие 20 лет, Вашингтон мало заботился о интересах и чаяниях самого вьетнамского народа. Им двигали другие мотивы: не допустить в Азии очередной триумф коммунизма, который несоизмеримо усилил бы влияние Китая и снизил влияние Запада в регионе. Одна только мысль об этом приводила в ужас республиканских избирателей, ставших болезненно чувствительными под влиянием лихорадки маккартистской охоты на ведьм.

Обсуждение обострилось, когда 20 марта, через неделю после первого штурма в Дьенбьенфу, в Вашингтон прибыл начальник французского Генерального штаба генерал Поль Эли. Эли был прямолинеен: без помощи США гарнизон в Дьенбьенфу падет. Американцы немедленно согласились выделить небольшую помощь – еще десяток бомбардировщиков В-26 и 800 парашютов. Но Эли требовалось гораздо больше, и он нашел заинтересованных единомышленников. Адмирал Артур Рэдфорд, председатель Объединенного комитета начальников штабов, был ястребом среди ястребов. Он предложил задействовать против армии Зяпа 60 базирующихся на Филиппинах тяжелых бомбардировщиков В-29 «Суперкрепость». Аналитическая группа из Пентагона пошла дальше, заявив, что три тактические ядерные бомбы, «примененные правильным образом», позволят одним махом устранить коммунистическую угрозу. Рэдфорд одобрил это предложение как один из вариантов, который стоит рассмотреть. Однако Госдепартамент настоятельно предостерег против того, чтобы даже намекать французам о возможности ядерного удара, поскольку это непременно просочится в прессу – и разгорится громкий скандал.

Генерал Мэтью Риджуэй, начальник штаба Армии США и главный герой Корейской войны, решительно и прозорливо выступал против любого вмешательства в Индокитае, называя его «неправильной войной в неправильном месте». Но Эйзенхауэр был иного мнения. Он высказался за применение американцами военной силы, но выдвинул два условия, которые, как оказалось, сыграли решающую роль: обеспечить поддержку конгресса и участие союзников, в первую очередь Великобритании. Госсекретарь Даллес и вице-президент Ричард Никсон с энтузиазмом поддержали предложенную Рэдфордом операцию «Стервятник» с использованием бомбардировщиков В-29. На протяжении нескольких недель, пока люди де Кастри держали оборону в Дьенбьенфу, в Вашингтоне, Лондоне и Париже шли напряженные переговоры: американцы пытались собрать кворум для новой военной кампании.

30 марта пять вьетминевских полков, после нескольких атак, следовавших одна за другой, захватили позиции на высоте «Элиан-1» и вокруг нее. Высота оборонялась алжирцами, которыми командовали недавно назначенные французские офицеры. В колониальных войсках офицеры играли ключевую роль. Если солдаты хорошо знали своих командиров и доверяли им, они могли сражаться достаточно стойко. Но, если они не доверяли командирам или те погибали, солдаты бежали с поля боя. Вьетминевцы начали артобстрел, как обычно, в 17:00 и через час двинули в атаку пехоту. Сильный дождь затопил траншеи и сделал невозможной поддержку с воздуха. Одновременно со штурмом «Элиан-1» вьетминевцы осадили расположенную на севере от нее высоту «Доминик» – через бинокль Ланглэ мрачно наблюдал за тем, как они прорвали оборону и вклинились вглубь периметра. Вскоре на высотах завязалось четыре отдельных пехотных сражения, в каждом из которых перевес был на стороне нападавших. Среди алжирских защитников «Элиан-1» началось бегство; пытаясь остановить панику, французский офицер застрелил нескольких беглецов, но это не помогло. В периметре образовалась зияющая дыра. После четырех часов ожесточенного боя форт пал. Подобные сцены имели место и на «Доминик-2»: алжирцы вылезали из окопов и с поднятыми руками бежали в сторону противника. К 22:00 этот опорный пункт также был взят.

Несколько смельчаков сражались до конца; среди них был 18-летний сержант евроазиатского происхождения по имени Шаламон, который не выпускал из рук свой пулемет, пока не был окружен и убит. Опорный пункт «Доминик-3» устоял благодаря 27-летнему офицеру-артиллеристу Полю Брунбруку, ветерану героической обороны Насана в декабре 1952 г., еще одного осажденного французского гарнизона. Он не позволял защитникам пасть духом и мастерски использовал свои 105-мм гаубицы, в конце концов дав приказ стрелять прямой наводкой: «Débouchez à zéro!» – «Взрыватели на ноль!» Ланглэ по радиации приказал Брунбруку оставить позиции, но молодой офицер ответил: «Ни за что!» Рано утром 31 марта он отступил вместе со своими нестигаемыми сенегальцами и тремя гаубицами, которые оставались в исправном состоянии даже после 1800 выстрелов. Брунбрук был награжден рыцарским крестом Почетного легиона; через две недели он скончался от ран, полученных в очередном героическом сражении.

Форт «Элиан-1» пал быстро вместе с еще одним укреплением с гордым названием «Елисейские поля». Вторая волна атак обескровила обе стороны. Один вьетминевский полк понес настолько большие потери, что его пришлось вывести с передовой. Французы потеряли значительную часть своей артиллерии и истратили половину оставшихся боеприпасов, 500 тонн. Рано утром 31-го марта, прилетев из Сайгона в Ханой, Наварр узнал об этих новых несчастьях, а также о том, что Коньи всю ночь отсутствовал в штабе – по слухам, он провел ее с женщиной. Это только усилило желчную свару между двумя генералами, которые теперь старались переложить друг на друга ответственность за неизбежную катастрофу. Генерал Майк О’Дэниел предложил французам нелепый план спасения: отправить в Дьенбьенфу из Ханоя бронетанковое подразделение. Это предложение не принимало во внимание два ключевых фактора – условия горно-лесистой местности и умение вьетминевцев устраивать засады на французские колонны. Тем не менее президент Эйзенхауэр впоследствии выразил удивление, почему французы не воспользовались планом О’Дэниела.

В отчаянном стремлении спасти ситуацию Наварр и Коньи продолжали принимать бесполезные меры: утром того же дня в лагерь был десантирован еще один парашютный батальон. Даже теперь, когда стало ясно, что гарнизон обречен, в отважных добровольцах не было недостатка. Так, капитан Ален Бизар отказался от теплого места помощника начальника штаба армии в Париже, чтобы присоединиться к защитникам Дьенбьенфу. Вероятнее всего, этими молодыми офицерами двигало желание искупить позор, пережитый их нацией в 1940 г., и пока-

зять, что новое поколение французов обладает той готовностью к самопожертвованию ради своей страны, которой не хватило их отцам.

Вечером 31 марта французы провели контратаки и ненадолго вернули опорные пункты «Доминик-2» и «Элиан-1», но вскоре те снова пали под ожесточенным напором вьетминевцев. В ночь на 1 и 2 апреля защитники сумели отбить ночные атаки, но утром 2 апреля было принято решение оставить опорный пункт «Югетт-2». Французы запоздало взялись за укрепление оставшихся фортов. 3 апреля по репутации Иностранного легиона был нанесен очередной удар, когда 12 его бойцов, выживших после взятия «Беатрис», покинули свои позиции и сдались врагу. Как и всем дезертирам, переходившим на сторону Зяпа, им тут же вручили в руки лопаты и заставили копать. По состоянию на 7 апреля в гарнизоне насчитывалось 590 раненых. В батальонах Иностранного легиона и батальонах парашютистов осталось меньше 300 человек в каждом. Зяп проигнорировал просьбу французов о временном прекращении огня, чтобы позволить эвакуировать раненых, – время «жестов милосердия» прошло.

Между тем дебаты в Вашингтоне о возможном американском вмешательстве – не ради спасения французов, но чтобы усмирить коммунистов, – сыграли куда более важную историческую роль, чем судьба Дьенбьенфу. С конца марта Даллес развернул в СМИ блиц-кампанию, чтобы «пробудить» американский народ и заручиться его поддержкой. Госсекретарь называл Вьетминь орудием в руках китайцев. Правительство США, заявлял он, не имеет права бездействовать, в то время как коммунисты одерживают триумф; при этом он не уточнял, какие именно меры оно может предпринять. Заголовки на первых страницах готовили американскую аудиторию к вступлению в войну. Журнал *US News and World Report* писал: «США открыто предупреждают коммунистов: мы не позволим им проглотить Индокитай»¹¹⁴. Большая часть мира по-прежнему была уверена в превосходстве западной военной силы и в том, что французы в итоге одержат победу в Дьенбьенфу. 19 марта британский журнал *The Spectator* писал: «Французы должны выиграть эту битву, и, когда это произойдет, мир наконец-то увидит свет в конце индокитайского туннеля». 9 апреля журнал продолжал: «Несмотря на чрезвычайную непопулярность этой войны, героическая оборона, которую держит гарнизон полковника де Кастри и его 11 000 человек, напомнила Франции о том, что она по-прежнему способна сражаться и вызывать восхищение всего мира». Подобные разглагольствования отражали не более чем невежественный самообман вкупе с нелепой франкофилией, хотя даже самые ярые оптимисты не могли не признать, что до окончания битвы нельзя уверенно говорить о ее исходе.

3 апреля госсекретарь США провел встречу с лидерами конгресса, на которой присутствовали демократы: Линдон Джонсон от Техаса, Ричард Рассел от Джорджии, Эрл Клементс от Кентукки – и республиканцы: Юджин Милликин от Колорадо и Уильям Ноулэнд от Калифорнии. После того как Рэдфорд проинформировал их о тяжелом положении в Дьенбьенфу, Даллес высказал пожелание президента: он хочет, чтобы конгресс принял совместную резолюцию, санкционирующую развертывание американской авиации и военно-морских сил. «Если мы потеряем Индокитай, – сказал Рэдфорд, – будет всего лишь вопросом времени, когда падет вся Юго-Восточная Азия, включая Индонезию». Под градом скептических вопросов со стороны конгрессменов адмирал был вынужден признать, что он – один из немногих, кто выступает за военное вмешательство. На вопрос «почему?» он уверенно ответил, что знает Азию гораздо лучше своих коллег. Не обладая блестящим умом, он никогда не страдал от недостатка самомнения.

Следующий ключевой вопрос касался того, должны ли США действовать в одиночку или же привлечь союзников. Линдон Джонсон заявил: «Мы не хотим повторения корейского сценария, где США обеспечивали 90 % живой силы». Из войны 1950–1953 гг., подорвавшей пре-

¹¹⁴ USN&WR 09.04.1954.

зидентство Гарри Трумэна, политики вынесли следующий урок: американцы готовы платить другим, за то чтобы те сражались и умирали в войнах с коммунистами в далеких азиатских странах, но были категорически против, чтобы жертвовать жизнями американских парней. Даллесу задали прямой вопрос: будет ли Британия участвовать в операции США во Вьетнаме? Он признал, что это маловероятно. Ответ конгрессменов был однозначен: конгресс одобрит военное вмешательство, которого так жаждали госсекретарь и президент, только при условии того, что под ним подпишутся и другие страны. На встрече в Белом доме 4 апреля Эйзенхауэр признал, что теперь все зависит от решения британцев. Тем же вечером французское командование официально запросило у США поддержки авиации в операции в Дьенбьенфу. Наварр даже предложил американцам замаскировать опознавательные знаки на самолетах или же использовать французские эмблемы, что лишь подчеркивало его все более неадекватное восприятие реальности.

Вечером 5 апреля Черчилль получил эмоциональное личное письмо от Эйзенхауэра, в котором тот напомнил ему о призраках Гитлера, Хирохито, Муссолини: «Разве наши нации не должны извлечь из этого серьезный урок?»¹¹⁵ – и призвал британцев присоединиться к операции в Индокитае. На следующий день Эйзенхауэр заявил Совету национальной безопасности, что «у нас по-прежнему есть все шансы выиграть это сражение». На пресс-конференции 7 апреля он впервые публично озвучил то, что впоследствии стало известно как «теория домино». Если мы позволим коммунистам прийти к власти в Индокитае, остальная часть Юго-Восточной Азии «очень быстро последует за ним»¹¹⁶

¹¹⁵ Logevall, *Embers*, 475.

¹¹⁶ Logevall, *Embers*, 479.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.